

ISSN 2949-4419

**АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN TATISHCHEV STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER V. N. TATISHCHEV**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ (СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ)

2025

ВЫПУСК 3 (11)

Журнал выпускается с 2023 г.

Журнал является сетевым изданием, зарегистрированным как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации: серия Эл № ФС 77-85176 от 25 апреля 2023 г.).

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

2025

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2025

ВЫПУСК 3 (11)

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор *Г. В. Файзиева*

Ответственный секретарь

кандидат педагогических наук, доцент *Т. В. Дымова*

Редакционная коллегия

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – главный редактор;

Галичкина Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – заместитель главного редактора;

Шеховцева Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – заместитель главного редактора;

Дымова Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экологии, природопользования, землеустройства и безопасности жизнедеятельности, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – ответственный секретарь;

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия;

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия;

Багринцева Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка и профессиональных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Россия;

Данилевская Наталия Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия;

Емельянова Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Есенова Тамара Саранговна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия;

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия;

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций, Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет МИТСО», г. Минск, Республика Белоруссия;

Илова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия;

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и сопоставительной типологии, Таджикский национальный университет, г. Душанбе, Республика Таджикистан;

Сарангаева Жанна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германской филологии, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия;

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия;

Шустова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия;

Юшкова Людмила Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков в сфере права, экономики и управления, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия.

Журнал выходит 4 раза в год.

© Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Т. В. Анисимова

Интернет-комментарий как оценочный жанр 6

М. В. Волкова

К вопросу о синтаксических средствах выражения эмоций 24

*К. А. Кертиев, М. А. Алламырадов, Т. А. Джапаров, Э. А. Розыева,
Э. Г. Аннаков*

«Греческо-туркменский словарь» и его значение в изучении истории
туркменского языка 37

Е. В. Кузнецова, А. А. Джардемова

Использование приёма контраста в новелле Проспера Мериме
«Кармен» 51

С. В. Марковская

Орфографическая непрозрачность английского языка 72

Г. В. Файзиева

Актуальные проблемы лексикографического описания языка турок-
месхетинцев России 87

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Э. Парвизи Могаддам

Приём обратного перевода как средство анализа употреблений
финансово-коммерческих терминов (русский – персидский –
русский) 99

Н. С. Федотова, Г. Н. Шатохина

Сравнительная характеристика структурно-семантических
особенностей безличных конструкций в английском, французском,
испанском и русском языках 112

ПСИХОЛИНГВИСТИКА (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

К. А. Кунгурцева

Условия повышения эффективности убеждения как метода
административного управления 129

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 808.5

Татьяна Валентиновна Анисимова

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
Калининград, Россия

atv310551@mail.ru

ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЙ КАК ОЦЕНОЧНЫЙ ЖАНР

Аннотация. Проблема распространения агрессивных форм речи через интернет усугубляется анонимностью интернет-общения и сложностью отделения допустимых форм взаимодействия людей от агрессивных (недопустимых). Для того, чтобы бороться с такими явлениями, или хотя бы опознавать их, следует точно сформулировать их речевые особенности и разобраться в их причинах. В связи с этим, исследование роли оценочных суждений в приобретении высказыванием статуса агрессивного, является весьма актуальным. Материалом исследования послужили 3000 реплик, содержащих оценочные суждения, выбранные из комментариев к 50 статьям, размещённым на платформе Дзен.

Наблюдения показывают, что у современных молодых людей полностью отсутствует понимание разницы между субъективными (выражающими личное мнение пишущего) и объективными (отражающими ценности, принятые в обществе) оценками. Абсолютное большинство суждений предьявляется в категоричном тоне и содержит только высшие степени интенсивности отрицательных оценок. Объектом оценки в комментариях, чаще всего, выступает личность автора, несколько реже – содержание текста, причём, в

обоих случаях степень агрессивности оказывается примерно одинаковой. В некоторых случаях оценивается предмет, обсуждаемый в тексте поста. Здесь степень агрессивности оценки зависит от того, насколько неприятен этот предмет для комментаторов, и может варьироваться в очень широких границах. Наиболее частотными языковыми приёмами, используемыми для усиления агрессивности высказывания, в исследованных блогах оказались ирония, приём «сведение к абсурду», цитирование прецедентных текстов и языковая игра. В целом утверждается, что агрессивной следует признать оценку, которая выдаёт своё собственное субъективное восприятие действительности за объективную и непререкаемую истину. Такая оценка имеет прямую цель – причинение морального вреда автору текста и его унижение. В то же время косвенной целью является повышение своего статуса путём присваивания себе права судить и оценивать других.

Ключевые слова: интернет-дискурс, комментарий, оценочное суждение, риторика, риторическая компетенция, речевая агрессия

Для цитирования: Анисимова Т. В. Интернет-комментарий как оценочный жанр // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 3 (11). С. 6–23.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 808.5

Tatiana V. Anisimova

Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia

atv310551@mail.ru

ONLINE COMMENTARY AS AN EVALUATIVE GENRE

Abstract. The problem of the spread of aggressive forms of speech over the Internet is aggravated by the anonymity of online communication and the difficulty of separating acceptable forms of human interaction from aggressive (unacceptable) ones. In order to combat such phenomena or at least identify them, it is necessary to precisely formulate their speech features and understand their causes. In this regard, the study of the role of value judgments in the acquisition of aggressive status by a statement is very relevant. The research material consisted of 3,000 replicas containing value judgments selected from the comments to 50 articles posted on the Zen platform. Observations show that modern young people have a complete lack of understanding of the difference between subjective (expressing the personal opinion of the writer) and objective (reflecting the values accepted in society) assessments. The absolute majority of judgments are presented in a categorical tone and contain only the highest degrees of intensity of negative assessments. The object of evaluation in the comments is most often the personality of the author, somewhat less often the content of the text, and in both cases the degree of aggressiveness is approximately the same. In some cases, the subject discussed in the text of the post is evaluated. Here, the degree of aggressiveness of the assessment depends on how unpleasant the subject is for commentators, and can vary very widely. The most frequent linguistic techniques used to enhance the aggressiveness of utterance in the blogs studied were irony, the "reduction to absurdity" technique, quoting precedent texts, and language play. In general, it is argued that an aggressive assessment should be recognized, which presents its own subjective perception of reality as an objective and indisputable truth. Such an assessment has the direct purpose of causing moral harm to the author of the text and humiliating him. At the same time, an indirect goal is to raise one's status by appropriating the right to judge and evaluate others.

Keywords: Internet discourse, commentary, value judgment, rhetoric, rhetorical competence, verbal aggression

For citation: Anisimova T. V. Online commentary as an evaluative genre // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 3 (11): 6–23. (In Russ.).

Введение

С каждым годом Интернет занимает всё более важное место в нашей жизни. С одной стороны, он является одним из важнейших источников разнообразной информации, местом, где можно обмениваться новостями, мыслями и идеями. Однако, с другой стороны, он нередко становится каналом распространения отрицательных привычек и разрушительных взглядов, инструментом, провоцирующим новые формы девиантного поведения молодёжи [1; 4; 8; 10]. В частности, нередко интернет-технологии дают толчок к появлению и эскалации в реальной жизни таких форм речевой агрессии, которые ранее ей свойственны не были. Так, О. Ю. Ткаченко выявляет признаки агрессии в некоммерческих рекламных объявлениях – жанре, не предполагающем агрессивного отношения к адресату [11].

Одним из важнейших триггеров, способствующих распространению агрессивных форм в Интернете, считается анонимность (и соответственно, безнаказанность) общения. Как полагают исследователи, возможность анонимного общения особенно ценится современным человеком потому, что его реальная жизнь эмоционально обеднена [7, с. 698]. С одной стороны, деперсонализация сообщений предоставляет возможность открытого выражения гражданской позиции и обсуждения личных трудностей. Однако, с другой стороны, она может стать катализатором различных форм деструктивного поведения, включая клевету и провокацию. Безнаказанность и отсутствие прямого социального контроля, минимизация риска социальных санкций и негативных последствий за оскорбления и насмешки создают иллюзию вседозволенности и оказывают существенное влияние на тональность онлайн-общения. Всё это провоцирует пользователей на высказывания,

которые нарушают принятые нормы вежливости, логики и этики общения (троллинг, хейт, флейм).

Основная проблема в борьбе с такими явлениями состоит в том, что трудно выработать чёткие критерии для отделения допустимых форм взаимодействия людей от агрессивных (недопустимых), поскольку, как правило, сами недопустимые формы определяются в нашей литературе крайне расплывчато (неконкретно). Сравним, например, определение речевой агрессии: это «напористое, доминирующее, атакующее и вредоносное поведение, объединяет такие различные по форме и результатам акты поведения, как злые шутки, сплетни, враждебные фантазии, деструктивные формы поведения» [3, с. 7]. Здесь приводятся общие характеристики речевой агрессии и перечень характерных для неё жанров, однако сложность, как и в других случаях, состоит в том, что доказать *злость шуток* или *враждебность фантазий*, как правило, бывает крайне сложно. При этом если брань и угрозы достаточно легко опознаются и квалифицируются адресатом как агрессивное речевое поведение, то «менее заметные маркеры конфликтной коммуникации, часто реализуемые в качестве оценочного компонента лексического значения» [5, с. 6] опознаются реже и не всеми.

Для того, чтобы бороться с такими явлениями, или хотя бы опознавать их, следует точно сформулировать их речевые особенности и разобраться в их причинах. В связи с этим исследование роли оценочных суждений в приобретении высказыванием статуса агрессивного представляется весьма актуальным.

Для изучения особенностей использования маркеров конфликтной ситуации в Интернете было исследовано 50 блогов различной тематики, размещаемых на платформе Дзен. В каждом блоге было выбрано по 10 постов и проанализированы комментарии к ним. Далее из этих комментариев извлечены реплики, содержащие оценочные суждения. В результате оказалось исследовано около 3000 реплик.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Категория оценочности относится к универсальным понятийным категориям, участвующим в установлении взаимоотношений языка с внеязыковой действительностью. Оценка представляет собой сложный когнитивный процесс, включающий восприятие, интерпретацию, генерализацию и формирование выводов о явлениях и объектах окружающего мира. Этот процесс является неотъемлемой частью эпистемологии и философии сознания [9].

Для обеспечения эффективности воздействия оценочных суждений необходимо добиться того, чтобы адресат воспринимал их как безусловно справедливые (или истинные). В некоторых случаях такое обоснование является эксплицитным (субъект прямо указывает на основания своей оценки), однако гораздо чаще оно оказывается имплицитным (только подразумевается). Такие оценки опираются на социальные идеалы, эталоны поведения и практические стандарты, включая оптимальные модели поведения и предупреждения об отклонениях от них. Все такие оценки считаются объективными и допустимы как аргументы при условии, что соответствующие нормы и ценности известны адресату. С другой стороны, каждый индивид может оценивать те или иные явления в соответствии со своими взглядами и вкусами, не во всём совпадающими с общепринятыми. Такие оценки называются субъективными и в тексте обязательно должно содержаться указание на их субъективность (личное восприятие адресантом), показывающее, что говорящий не претендует на роль эксперта в рассматриваемом вопросе. Так, если человек говорит: *Скрябин – выдающийся композитор XX века; Это слабая статья, поскольку тема не раскрыта*, – он предъявляет объективные оценки, которые опираются на критерии, выработанные в обществе для оценивания соответствующих реалий. Если же автор говорит: *Я терпеть не могу музыку Скрябина* или: *А мне понравилась статья: я узнала из неё много интересного*, то он предъявляет субъективные

оценки, характеризующие его личное восприятие объекта. Такие оценки нельзя оспорить (поскольку каждый имеет право на собственное мнение по отношению к любому предмету), но они и не претендуют на истину (и не навязываются как эталон остальным).

Наблюдения показывают, что у современных молодых людей полностью отсутствует понимание разницы между субъективными (выражающими личное мнение пишущего) и объективными (отражающими ценности, принятые в обществе) оценками. Абсолютное большинство суждений предьявляется в категоричном тоне и содержит только высшие степени интенсивности оценки: **Вадим Стариков:** *Афтор ничто и звать его графоман; Александра Савинова:* *Точно человек писал??? Бредятина какая-то, набор слов.* Ни в одном таком случае не объясняется (ни прямо, ни косвенно), почему мы должны согласиться с тем, что взгляд комментатора более объективный, чем взгляд автора текста, и отражает истинное положение дел. Обилие подобных высказываний создаёт весьма агрессивный фон обсуждений в большей части исследованных диалогов.

Объектом оценки в комментариях, чаще всего выступает личность автора, несколько реже – содержание текста, причём, в обоих случаях степень агрессивности оказывается примерно одинаковой. В некоторых случаях оценивается предмет, обсуждаемый в тексте поста. Здесь степень агрессивности оценки зависит от того, насколько неприятен этот предмет для комментаторов, и может варьироваться в очень широких границах.

Оценивание автора, как правило, сводится к унижению его чести и достоинства, выраженное в форме, вступающей в противоречие с общепринятыми нормами нравственности. Это весьма обширная группа оценок, встретившаяся во всех исследованных блогах. Описание личности автора осуществляется с помощью экспрессивных слов, имеющих в языке сильную пейоративную окраску (в том числе, жаргонизмов): **Андрей Фокин:** *Да как же все журналюги, экспёрды, расследователи и т. д. задолбали!;* **Ирина Сергеева:** *Автор никогда не готовила этого и не знает. Эти блоХеры просто*

чудят на Дзене и прям без гармошки. Надеюсь, что читатели ВСЁ проглотят, что не покажи. Все такие высказывания строятся в злобном, откровенно издевательском тоне и имеют цель больно задеть блогера. Как правило, адресатом таких высказываний мыслятся другие читатели, участвующие в обсуждении, однако бывают случаи, когда комментатор напрямую обращается к автору, осуждая его за высказанные идеи: **Геральд:** Учи историю, **щегол!**; **Алла:** Тортик она себе может позволить, **корова!** Ну если нет других радостей, чем еда – жрите на здоровье!; **Дмитрий Соколов:** Нахер мне твой английский? Мне не с кем на нём общаться. В Америку меня никто не отпустит всё равно и на работу в Мид не возьмёт, так что учи теперь его сам **дьволина!** Хватит продавать мои мозги бесплатно за границу!

Подобные рассуждения весьма частотны в комментариях ко многим постам, причём, нередко агрессия распространяется и на других участников обсуждения: **Сергей Жильцов:** Прикольно: один **придурок** написал ни о чём, другие **придурики** рассуждают ни о чём, да ещё **охаивают** друг друга; **Незванный гость:** Днище. С вами **тупоголовыми** нет смысла вести беседу.

Лишь некоторые комментаторы пытаются приводить аргументы, подтверждающие плохое качество текста и некомпетентность автора. Однако чаще всего, и в этом случае, все оценки выглядят голословными, имеющими в качестве основания только личный опыт автора комментария. Ни о каких объективных критериях, опирающихся на общие научные или культурные ценности, речь не идёт: **Об аниме со здравым смыслом:** Короче, «учёные» продолжают **нести фигню**, дабы доказать, что их не зря кормят. Они до сих пор не могут привести доказательства существования времени, но уже **замахиваются на какое-то 3Д-время.** Автор просто пытается повесить нам **лапшу на уши.** Здесь комментатор осуждает автора, высказавшего идею о существовании трёхмерного времени, однако на каком именно основании эта гипотеза характеризуется как **фигня** и **лапша на уши**, остаётся не объясненным.

Подобные безапелляционные оценки навязываются читателям даже в тех случаях, когда речь идёт о вполне простых предметах, критерии оценки которых давно разработаны: **Вера Ольховская:** *Люба, а зачем почти готовую рульку засовывать в рукав для запекания? Глупость такая! Достаточно придать румяность безо всего, как пирожкам! А пить бульон из-под рульки – это вообще бред! Там же вкус такой специфический! Только заморозить и использовать для соусов!* Из этого текста невозможно сделать вывод, почему если одной женщине нравится пить бульон, а другой он кажется невкусным и пригодным только для соусов, то первую следует осудить за глупость, а вторую – считать великим поваром и гурманом. В таком контексте выставление своего субъективного мнения, как объективной непререкаемой истины, кажется особенно неуместным.

В некоторых случаях комментаторы пытаются смягчить агрессию своего высказывания с помощью стратегии митигации, которая заключается «в устранении или нейтрализации нежелательных перлокутивных последствий речевых актов» [12, с. 156]. В этом случае комментатор использует диминутивные суффиксы, а также речевые акты извинения и оправдания. Сравним, например: **Тетка Фишер:** *Извини меня, пожалуйста, но ты просто дурачок;* **Матвей:** *Знаешь, без обид, конечно! Но ты чудик редкостный.* Впрочем, в сочетании с иронией подобные реплики могут выглядеть ещё более оскорбительно, чем обычные пейоративные оценки: **София:** *Ты, что такое несёшь, глупенький, и как у тебя получается от санитаров телефон прятать?*

Отдельно выделяется группа высказываний, назначение которой состоит в **обесценивании работы автора**. Здесь личность автора не упоминается, речь идёт только о том, что текст бессодержательный. Никаких аргументов, подтверждающих этот вывод, как правило, не приводится. Здесь, как и в случае с оценкой личности автора, всё сводится только к голословным оскорблениям: **Жукова Наталья:** *Идиотизм процветает;* **Фред:** *Вброс для слабоумных.* В таких комментариях никак не отражается содержание поста: их можно оставить

под любым текстом. В связи с этим функция всех таких высказываний состоит исключительно в повышении своей самооценки и укреплении своего социального статуса за счет унижения автора и понижения его социального статуса. Только в редких случаях такая оценка содержит определённые намеки на то, что именно не понравилось автору в статье: **Павел Т.:** *Сколько же «воды вылили» перед тем как до сути добраться в статье!;* **Парамон Ниттэ:** *Как-то туповато. Симбиоз из психологии и бледных воспоминаний восточных мудростей.*

Что касается **оценивания предмета** обсуждения, то здесь палитра оценок оказывается весьма широкой.

Если описываемый в статье блогера предмет касается политики и вызывает всеобщее неодобрение, в его характеристиках используется обценная лексика (которой и в целом неоправданно много в комментариях). Лишь в некоторых случаях авторы пытаются придать таким высказываниям приличный вид, заменяя нецензурные части слов астерисками, пропусками гласных букв или подходящими по звучанию символами: **София Зерцалова:** *Да, автор прав: это безумие, замешанное на @бле!;* **Леон Кеннеди:** *Не знаю, я не эксперт, но именно из-за такой h*ни распалась римская империя.*

В целом же оценка предмета обсуждения не связывается, как правило, с оценкой личности автора, независимо от того, согласен или нет комментатор с мнением автора. Здесь возможны все варианты: **Алексей Кучеров:** *Содом и Гоморра. Чёртовы содомиты. Где там второе пришествие.* В этом случае отрицательное мнение комментатора о недопустимости пропаганды гомосексуализма вполне совпадает с мнением блогера, написавшего основной текст. **Анатолий Калинин:** *Бабы совсем с ума сошли. Мало того, что министрами стали, так ещё и в президенты рвутся. Оборзели.* В этом случае мнение комментатора (мужчины) не совпадает с мнением автора основного текста (женщины), зато совпадает с мнением других комментаторов-мужчин. **Владимир Т.:** *Жуть какая – курятина с яйцами.* Здесь мнение комментатора не

совпадает с мнением автора текста, однако, несмотря на категоричность, не кажется слишком агрессивным, поскольку содержит имплицитный намек на основание оценки – принятые в кулинарии принципы сочетаемости продуктов.

Далее можно указать на языковые приёмы, используемые для усиления агрессивности высказывания. Важно обратить внимание на то, что сами приёмы (как упомянутые ниже, так и все прочие средства выразительности, актуальные в русском языке) не имеют никакого отношения ни к агрессии, ни к манипуляции. Все такие приёмы – это только инструмент в руках говорящего, который может быть использован как во благо, так и во зло людям. Чаще всего в комментариях подобные конструкции нужны для того, чтобы сделать агрессивные высказывания менее очевидными, но более болезненными для оцениваемого лица. Наиболее частотными приёмами в рассматриваемых блогах оказались следующие:

1. Ирония – употребление слова или выражения в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки. *Яр Бор: Вопрос из зала – профессор, где вы покупаете то, что курите?; Пингвин: Эх и как страна жила без психологов в СССР не понимаю. Наумнейшие, начитанные, только вы можете поставить всех на путь истины.* Здесь в первом примере комментатор, с одной стороны, называет автора текста профессором, но с другой стороны, подозревает его в наркомании. Во втором примере имеет место ирония в классическом виде: все хвалебные эпитеты должны быть поняты в смысле, противоположном прямому (т. е. психологи не нужны).

В последнее время получил весьма широкое распространение один из вариантов иронии: насмешка, прикрытая серьёзной формой выражения. Высказывания, содержащие этот приём, сначала воспринимаются как «отклонение от предмета обсуждения», поскольку в них идёт речь о чём-то постороннем, не имеющем прямого отношения к теме авторского поста. Однако, на самом деле таким образом комментатор высказывает презрение автору и подчёркивает ошибочность или незначительность предлагаемой им

идеи: (в кулинарном блоге автор предложил рецепт приготовления курицы с капустой, который позиционировал как собственно русский и приготовленный из трёх компонентов) **Влад Рязанский**: *У нас тоже есть одно блюдо, всего три ингредиента, которое на западе не готовят, а русские любят. Гречка, вода и масло, соль по вкусу. Кто кого?;* **Наталья С.**: *Есть ещё одно блюдо с капустой, которое у нас любят повсеместно, а за рубежом не готовят. Голубцы называется;* **Ольга**: *Квашеная капуста с котлеткой – очень вкусно.* Здесь вместо обсуждения рецепта автора предлагаются мнения о гречневой каше, голубцах и котлете, которые играют роль насмешки над автором, опубликовавшим недоработанный (по мнению комментаторов) рецепт. Второй пример позаимствован из блога «Аргументы и факты», где размещён пост о непонятных сигналах, зафиксированных в Антарктиде: **Владимир Кулагин**: *Блин, опять Петров жене звонил. Сказали же только письма;* **Борис**: *Пингвины что-то задумали;* **Андрей**: *Новая Швабия даёт о себе знать уже открыто.*

2. Если ошибочность тезиса автора намеренно преувеличивается или даже утрируется, то имеет место приём «сведение к абсурду»: **Дмитрий**: *Надо срочно выделить млрд. долларов на изучение сигнала, подключить все НИИ, учёных, иначе так и останемся в неведении, кто же передаёт сигнал и как это возможно!;* **Игорь Озеров**: *Имея пистолет можно любого агрессора заставить танцевать лезгинку (стреляя под ноги в такт танца) и тем самым помочь ему избавиться от дурной энергии.*

3. Цитирование прецедентных текстов (интертекстуальность). По определению И. В. Арнольд «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменённых цитат, аллюзий, реминисценций» [2, с. 376]. В научной литературе имеются развёрнутые классификации популярных в современной практике видов прецедентных текстов, выступающих источниками

цитирования в различных публичных дискурсах. Однако наблюдения показывают, что комментаторы в блогах не до такой степени образованны, чтобы использовать все возможности этого приёма. Здесь в качестве источника цитирования чаще всего выступают произведения массовой эстрады (*Иван Миноянец: Куда мир катится! Остановите планету, я сойду* – цитата из песни, исполнявшейся Лолитой) или популярные фильмы (*Акованцев: Иван Васильевич, смените профессию. А как же Маргарет Тэтчер и королева Британии?!* – художественный фильм «Иван Васильевич меняет профессию»). Кроме того, более взрослые комментаторы иногда используют цитаты из культовых произведений советской эпохи: *Просто Шурик: Навяло... «Говорил, ломая руки, краснобай и баламут Про бессилие науки перед тайною Бермуд...»*; *Николай Иванов: Что такое эта жужжалка? Незакрытый пуп Земли!* Как правило, все такие цитаты призваны подчеркнуть негативное отношение комментатора к автору текста и его мыслям.

4. Языковая игра. Все формы языковой игры способны привлечь внимание читателя к тексту, поскольку способствуют компрессии смысла, в результате чего создаются тексты, в которых одна фраза актуализирует сразу два разных смысла (столкновение этих двух смысловых пластов и обеспечивает игровой эффект). *Борис Савельев: Опять уму нерастяжимо*; (обсуждают Олимпийские игры, прошедшие во Франции, и речь президента Э. Макрона о них) *Евгений: Какой макарон, такие и игры.*

Заключение

Итак, речевая агрессия может быть определена как «обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [13, с. 9]. Одним из главных компонентов речевой агрессии является использование пейоративных субъективных оценок, выдаваемых за объективные. Если раньше в Интернете имела широкое хождение аббревиатура «ИМХО» (от английского IMHO) или её сокращение «ИМО», указывавшая на то, что комментатор

высказывает своё субъективное мнение и не претендует на глобальность выводов, то теперь наблюдается абсолютное преобладание необоснованных объективных оценок, с помощью которых пишущий демонстрирует своё полное превосходство над окружающими (в нашем случае над автором исходного текста) и присваивает себе право вынесения окончательного приговора оцениваемому явлению.

Таким образом, агрессивной следует признать оценку, которая выдает своё собственное субъективное восприятие действительности за объективную и непререкаемую истину. Такая оценка имеет прямую цель причинение морального вреда автору текста и его унижение. В то же время косвенной целью является повышение своего статуса путём присваивания себе права судить и оценивать других. Если в непосредственном общении большинство людей воздерживается от прямых оскорблений в адрес собеседника, то в интернет-общении часто наблюдается крайне низкий уровень эмпатии и переход на личности (подмена обсуждения предмета дискуссии обсуждением самого автора). Блогер воспринимается не как самостоятельный субъект с собственным внутренним миром, а как простой инструмент для самоутверждения комментатора. Такая дегуманизация позволяет отбросить не только общепринятые моральные нормы, но и принципы этикета, и наносить психологический вред оппоненту, не испытывая при этом угрызений совести.

Отсутствие у молодого поколения навыков анализа действительности приводит и к отсутствию навыков её грамотного оценивания. В результате у людей надолго продлевается активность подростковых способов взаимодействия, в том числе агрессивного речевого поведения, главными особенностями которого являются заикленность на негативе и стремление обвинить всех вокруг в том, что реальный мир не совпадает с идеальными представлениями о нём индивида; а также потребность в самоутверждении путём оскорбления других людей и обесценивания их достижений. В связи с этим понижается уровень самоконтроля и способность предвидеть

потенциальные последствия своих действий, увеличивается вероятность проявления сугубо эмоциональных реакций на любые раздражители.

Полагаем, что кроме этой причины, имеется и другая, оказывающая влияние на речевое поведение людей. Агрессивное поведение часто является следствием элементарной риторической безграмотности: отсутствия понимания разницы между субъективными и объективными оценками; неумение держать тезис в процессе спора; незнание параметров актуальных в общении жанров (как правильно строятся и какие признаки имеют жанры *мнение, возражение, комментарий, обоснование*). Подобные знания и умения не появляются сами по себе. Они вырабатываются в процессе изучения риторики – дисциплины, отвечающей за формирование у будущего специалиста полноценной коммуникативной компетенции, без которой не может обойтись ни один специалист, работающий в системе «человек – человек» [6]. Исключение риторики из программы обучения всех специалистов привело к тому, что уровень владения навыками грамотного общения упал до недопустимо низкого уровня, что и приводит к широкому распространению деструктивных форм общения.

Список литературы:

1. Анисимова Т. В. Некоторые принципы разграничения риторических жанров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2005. № 4. С. 54–57.
2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей. СПб.: Изд-во СПбУ, 1999. 443 с.
3. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия. 2014. 493 с.
4. Ковшикова Е. В., Шиндряева И. В. Коммуникативные компоненты методики преподавания русского языка в образовательных организациях МВД

России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 176–182.

5. Кронгауз М. А. От редактора. Речевая агрессия и речевой этикет // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 4. С. 6.

6. Лавриненко А. А., Шашкова А. Н. О некоторых мотивационных инструментах, используемых для повышения качества образовательного процесса в вузе // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (73). С. 136–140.

7. Лутовинова О. В. Жанровые характеристики холивара // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 3. С. 696–711.

8. Маевский В. М. ИмPLICITная речевая агрессия в текстах современных британских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21, № 4. С. 111–122.

9. Сердобинцев К. С. О важности философии // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С. 131–135.

10. Сердобинцев К. С. Россия – Европа? Анализ цивилизационных парадигм // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 111–114.

11. Ткаченко О. Ю. Речевая агрессия как проблема лингвоэкологии (на примере речевой агрессии в тексте некоммерческого уличного объявления) // Экология языка: сборник материалов III Региональной научно-практической конференции, Краснодар, 15 декабря 2021 года. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2021. С. 96–103.

12. Тунян С. А. Митигация как способ разрешения или предотвращения конфликтов в дипломатической речи // Культура и текст. 2022. № 2 (49). С. 153–161.

13. Щербинина Ю. В. Русский язык: Речевая агрессия и пути её преодоления. М.: Флинта: Наука, 2004. 221 с.

References:

1. Anisimova T. V. Nekotory`e principy` razgranicheniya ritoricheskix zhanrov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazy`koznanie. 2005. № 4. S. 54–57.
2. Arnol`d I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual`nost`: sbornik statej. SPb.: Izd-vo SPbU, 1999. 443 s.
3. Enikolopov S. N., Kuzneczova Yu. M., Chudova N. V. Agressiya v oby`dennoj zhizni. M.: Politicheskaya e`nciklopediya. 2014. 493 s.
4. Kovshikova E. V., Shindryaeva I. V. Kommunikativny`e komponenty` metodiki prepodavaniya russkogo yazy`ka v obrazovatel`ny`x organizacijax MVD Rossii // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 4 (78). S. 176–182.
5. Krongauz M. A. Ot redaktora. Rechevaya agressiya i rechevoj e`tiket // Slovo.ru: baltijskij akcent. 2020. T. 11, № 4. S. 6.
6. Lavrinenko A. A., Shashkova A. N. O nekotory`x motivacionny`x instrumentax, ispol`zuemy`x dlya povy`sheniya kachestva obrazovatel`nogo processa v vuze // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 3 (73). S. 136–140.
7. Lutovinova O. V. Zhanrovye xarakteristiki xolivara // Kommunikativny`e issledovaniya. 2019. T. 6, № 3. S. 696–711.
8. Maevskij V. M. Implicitnaya rechevaya agressiya v tekstax sovremenny`x britanskix SMI // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazy`koznanie. 2022. T. 21, № 4. S. 111–122.
9. Serdobincev K. S. O vazhnosti filosofii // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2 (72). S. 131–135.
10. Serdobincev K. S. Rossiya – Evropa? Analiz civilizacionny`x paradigm // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 1 (71). S. 111–114.

11. Tkachenko O. Yu. Rechevaya agressiya kak problema lingvov`kologii (na primere rechevoj agressii v tekste nekommercheskogo ulichnogo ob`yavleniya) // E`kologiya yazy`ka: sbornik materialov III Regional`noj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 15 dekabrya 2021 goda. Krasnodar: Krasnodarskij gosudarstvenny`j institut kul`tury`, 2021. S. 96–103.

12. Tunyan S. A. Mitigaciya kak sposob razresheniya ili predotvrashheniya konfliktov v diplomaticheskoy rechi // Kul`tura i tekst. 2022. № 2 (49). S. 153–161.

13. Shherbinina Yu. V. Russkij yazy`k: Rechevaya agressiya i puti eyo preodoleniya. M.: Flinta: Nauka, 2004. 221 s.

Информация об авторе:

Т. В. Анисимова – доктор филологических наук, профессор, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Information about the author:

T. V. Anisimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025; одобрена после рецензирования 10.08.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was published 17.09.2025; approved after reviewing 10.08.2025; accepted for publication 10.09.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 80

Мария Владимировна Волкова

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

mv-pitelina@mail.ru

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена изучению синтаксических языковых средств вербализации эмоций человека. В рамках настоящего исследования нарушение порядка слов на уровне словосочетания рассматривается как способ выражения эмоционального состояния говорящего. Проверен эксперимент, показывающий способность синтаксических языковых средств передавать и вызывать эмоции человека и его оценку действительности. Анализ полученных в ходе исследования данных позволяет сделать вывод о том, что порядок слов оказывает влияние на семантику словосочетания, принося дополнительные смыслы. Целью эксперимента было выяснить, насколько точно адресат может декодировать эмоции говорящего, выраженные с помощью нарушения порядка слов в синтаксической единице языка. Результаты исследования также демонстрируют эмотивный потенциал синтаксических средств по сравнению с единицами других языковых уровней.

Ключевые слова: эмоции, эмотивность, синтаксические средства, словосочетание, порядок слов, фразеологизм

Для цитирования: Волкова М. В. К вопросу о синтаксических средствах выражения эмоций // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 3 (11). С. 24–36.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 80

Maria V. Volkova

Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia

mv-pitelina@mail.ru

ON THE ISSUE OF SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSING EMOTIONS

Abstract. This article examines syntactic linguistic means of verbalizing human emotions. This study examines word order violations at the level of a word combination as a means of expressing the speaker's emotional state. There was conducted an experiment demonstrating the ability of syntactic linguistic means to convey and evoke emotions and the assessment of reality by a human. The analysis of the data obtained during the study suggests that word order influences the semantics of phrases, adding new meanings. The aim of the experiment was to determine how accurately the recipient can decode the speaker's emotions expressed through word order violations within a syntactic unit. The results of the study also demonstrate the emotive potential of syntactic means compared to units at other language levels.

Keywords: emotions, emotiveness, syntactic means, word combination, word order, phraseological unit

For citation: Volkova M. V. On the issue of syntactic means of expressing emotions // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 3 (11): 24–36. (In Russ.).

Введение

Сегодня многие учёные согласны с утверждением, что поведение человека основано на его эмоциях. Они оказывают влияние на его поступки, в том числе и речевое поведение. Однако, долгое время эмоции занимали минимальное место в лингвистике, так как считалось, что язык служит для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний и их передачи последующим поколениям, то есть идея гораздо важнее эмоции. Но смена парадигмы научных исследований в сторону антропоцентризма привела к тому, что учёные обратили внимание на человека как на субъекта познания, его желания, отношение к действительности, чувства и эмоции.

В 80-е гг. XX в. В. И. Шаховский разрабатывает собственную лингвистическую теорию эмоций. Простыми словами автор объясняет суть своей теории следующим образом: «...есть мир (объект), есть человек (субъект), способный отражать мир.... Эмоции как психическое явление отражают в сознании человека его эмоциональные отношения к миру...» [11, с. 5]. В. И. Шаховский определяет эмоцию как комплексно обусловленную референцию к обобщенному конструкту – определённой эмоциональной ситуации, безотносительно к конкретной языковой личности. Эта референция регулируется видовым когнитивным опытом конкретного этноса и варьируется индивидуально-личностным когнитивным опытом [11, с. 22].

Выражение эмоциональных состояний средствами языка остаётся одной из наиболее сложных проблем современного языкознания, прежде всего, по причине того, что сами эмоции – это сложные психические процессы. Их репрезентации в языке чрезвычайно разнообразны и неоднозначны. Учёные описывают процессы представления эмоций в языке через понятия

эмоциональности и эмотивности. При этом эти понятия разграничиваются как *психическая характеристика личности* (эмоциональность) и *совокупность любых языковых средств отображения эмоций и эмоциональных характеристик языковой личности* (эмотивность) [7, с. 268]. В. И. Шаховский определяет эмотивность как лингвистическую категорию, которая представляет имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека. Она реализуется в особых единицах языка и речи, которые учёный называет эмотивами [11, с. 5]. Эмотивы существуют на всех языковых уровнях, фонетическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом и просодическом.

Исследовательские результаты и их интерпретация

В настоящей работе мы рассмотрим репрезентацию эмоциональных состояний с помощью синтаксических средств языка. Эмоциональное состояние говорящего оказывает влияние на синтаксическое оформление его речи. Выделяют несколько способов выражения эмоций на уровне синтаксической организации высказывания: 1) изменение принятого в языке порядка слов; 2) возрастание числа случаев грамматической незавершённости; 3) прерывание цепи развёртывания текста; 4) нарушение грамматического согласования, вплоть до полной грамматической дезорганизации речи в состоянии фрустрации (от латинского *frustratio* – обман, неудача «...психологическое состояние, возникает в ситуации разочарования, неосуществления какой-либо значимой для человека цели, потребности...» [1, с. 579]).

Существуют и другие классификации единиц эмотивного синтаксиса, но все они включают, прежде всего, способы изменения порядка слов и реорганизацию синтаксических структур: дислокацию, инверсию, интеркаляцию, репризу, редукцию, компрессию, реконструкцию [10]. Рассмотрим дислокацию (изменение порядка слов) на уровне словосочетания и

её возможности вербализировать эмоции на примере выражений *Дорогая мама* и *Мама дорогая*.

Порядок слов в русском предложении считается свободным, то есть члены предложения не имеют определённых закреплённых мест. Однако было бы неверным думать, что изменение порядка слов не приведёт к изменению семантики синтаксической единицы. Для нейтрального предложения в русском языке существуют определённые нормы. Согласованное определение обычно предшествует определяемому существительному [7]. Нарушение этого порядка добавляет словосочетанию дополнительные смыслы, которые не могут остаться незамеченными адресатом. Член предложения, оказавшийся на несвойственном для него месте, получает добавочную смысловую и экспрессивную нагрузку.

В рамках исследования мы решили проверить, как люди воспринимают изменение порядка слов в выражениях *Дорогая мама* и *Мама дорогая*. В исследовании приняли участие 92 респондента в возрасте от 17 до 50 лет. В начале эксперимента участникам был задан вопрос: «Как Вы понимаете значение выражений *Дорогая мама* и *Мама дорогая*?». Фразы были написаны на листе бумаги без восклицательного знака или в сообщении мессенджера. Данные выражения мы намеренно лишили иных средств выражения эмоций, пунктуации и интонации.

Эксперимент показал, что 71 респондент чётко понимают различие в значениях этих фраз, употребляют их в разные моменты/ситуации в жизни. 18 опрошенных, напротив, не видят различий в значениях данных выражений, считают их тождественными. 3 человека не могут чётко различить значение словосочетаний *Дорогая мама* и *Мама дорогая*, дают им схожие определения. Некоторые респонденты признавались, что выражение *Мама дорогая* слышали, но сами не употребляют. Испуг или удивление выражают с помощью междометий-восклицаний *Ах! Ой! Ааа! Ох!*, восклицаниями *Блин!*, *Реально?*, *Что?*, *Ё-моё*, *Е-ма*, *Ого!*, *Нифига*, *Ничего себе*, *ГосподЯ*, *Ёшкин кот!*, а также нецензурной лексикой.

В таблице 1 представлены значения выражений *Дорогая мама*, полученные в результате опроса респондентов.

Таблица 1

Значение выражения *Дорогая мама*

Значение выражения	Количество упоминаний в ответах респондентов
Обращение к маме с любовью	33
Ласковое, нежное обращение к маме	13
Обращение к маме	12
Обращение к маме с уважением, почтением	12
Обращение к маме во время праздника, пожелания маме, тост маме	11
Ценность мамы, самый ценный человек	6
Восхищение мамой	2
Обращение к маме в момент тревоги или сильных чувств	1
Формально обращение, используемое в письме или разговоре	1
Мама – смысл жизни	1

Исследование показало, что словосочетание *Дорогая мама*, главным образом, используется при обращении к маме, с целью выразить любовь к ней, нежность, уважение, восхищение и почтение; подчеркнуть ценность мамы в жизни человека. При этом небольшая часть опрошенных считают это выражение чисто формальным и используют его для обращения к маме, в том числе, с пожеланиями во время празднований или в переписке.

В целом, по мнению респондентов, данное выражение имеет положительное значение. В пользу этого утверждения также говорят синонимы слову *дорогая* в ответах участников опроса: *любимая* (12 упоминаний); *нежная, красивая; добрая* (по 9 упоминаний); *умная* (7); *лучшая, родная* (по 3 упоминания); *заботливая* (2); *единственная, участливая и общительная* (по 1 упоминанию).

В «Толковом словаре русского языка» слово *мама* определяется как разговорная форма слова *мать*, обычно при обращении детей к матери [9].

Согласно «Большому толковому словарю русского языка», *мама* то же, что и *мать* в семейном общении и в разговоре детей о родной матери [4]. Похожая трактовка в словаре С. И. Ожегова: «Мама – то же, что мать, мамочка, мамуля, мамуся, мамусенька, мамулечка, и мамусечка» [5]. Аналогичные определения приводятся и в других словарях. Мама представляется как уменьшительно-ласкательная форма слова мать при обращении к ней.

Прилагательное *дорогой* определяется словарями прямо и в переносном значении. Например, в словаре В. И. Даля, *дорогой* – ценный, многоценный, сравнительно много стоящий; нужный, полезный, желанный, уважаемый; любимый, любезный, высокоценимый [2]. А в «Толковом словаре» Д. Н. Ушакова, *дорогой* – это любезный, милый, любимый (обычно в обращении) [9].

Таким образом, для абсолютного большинства респондентов общее значение выражения *Дорогая мама* тождественно значениям слов *дорогой* и *мама*. Напротив, выражение *Мама дорогая* воспринимается респондентами не столь однозначно как словосочетание *Дорогая мама*. Так, абсолютное большинство участников эксперимента указали, что словосочетание *Мама дорогая* выражает удивление (42 упоминания в ответах респондентов). Опрошенные указывали и на другие *сильные* эмоции (чаще отрицательные) – испуг, реакция на неприятную ситуацию, ужас, изумление, возмущение, шок (Таб. 2). В таблице 2 можно увидеть и совершенно неожиданное объяснение данного выражения, а именно *мама много тратит*. Очевидно, данный респондент декодирует в прилагательном *дорогой* его прямое значение, связывает его с денежными тратами, а не с чувствами к маме.

Описывая значение выражения *Мама дорогая*, участники давали ему следующие синонимы: *Боже мой!* (5 упоминаний), *Ужас!* (5 человек), *Жесть* (4), *Вау* (2), *Кошмар* (2), *Oh my God!* (2), *Матерь Божья!* (1), *Мама мия!* (1), *Блин горелый!* (1), *Фигасе* (1), *Звезда в шоке* (1). Чтобы более точно и наглядно объяснить своё мнение, участники опроса приводят в качестве синонимов эмотивные лексические средства, которые, по их мнению, более однозначны и

не трактуются двояко. Выражая средствами языка определённую эмоцию, говорящий стремится быть понятым адресатом. И так как эмоции – это сложные проявления психики человека, разные адресаты могут их декодировать в тексте по-разному.

Таблица 2

Значение выражения *Мама дорогая*

Значение выражения	Количество упоминаний в ответах респондентов
Удивление	42
Любовь к маме	12
Испуг	9
Сильные эмоции	7
Восхищение	6
Реакция на неприятную ситуацию, неприятность, трагедия в жизни	6
Реакция на что-то неожиданное	6
Любовь мамы, её поддержка	3
Фраза из сериала «Моя прекрасная няня»	2
Шок	1
Изумление	1
Возмущение	1
Сообщение о том, что мама много тратит	1
Чувство вины и раскаяния	1
Ценность мамы	1

Так, 16 участников отождествляли выражения *Мама дорогая* и *Дорогая мама*. Они определили значение выражения *Мама дорогая* как положительное: *любовь к маме* (12), *любовь мамы* (3) и *ценность мамы* (1). Очевидно, что для данных участников опроса значение выражения *Мама дорогая* равно сумме значений его компонентов.

В большинстве случаев словари дают очень схожее определение устойчивому выражению *Мама дорогая*, относя его к фразеологизмам,

устойчивым словосочетаниям, значение которых не разложимо и не равно сумме значений их компонентов.

В «Большом толковом словаре русского языка» отмечено, что выражение *Мама дорогая* используется в значении междометия, выражает изумление, удивление, испуг [4]. Согласно «Словарю русского арго», *Мама дорогая* может выражать любую эмоцию (чаще отрицательную). В качестве синонимов приводятся выражения: *мама моя женщина!*; *мама, ты тут, а я там!*; *мама, роди меня обратно!* [3]. Онлайн-энциклопедии и словари также поясняют значение данного выражения практически идентично. В универсальной онлайн-энциклопедии на русском языке «Руниверсалис» находим следующее определение: *Мама дорогая!* – разговорное выражение, используется как междометие для выражения изумления, удивления, испуга. Синоним (разг., сниж.) – *мать моя женщина* [<https://руни.рф>]. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова находим ещё один вариант рассматриваемого выражения – *Мамочка моя родная!* – разговорное, экспрессивное выражение восторга, изумления, испуга [11].

В литературе авторы упоминают и другие сочетания существительного и прилагательного, подобные выражениям *мама дорогая* и *мамочка моя родная*, которые выражают удивление или испуг. Например, выражение *мать честная* приводится в качестве примера эмотивного фразеологизма в работе «Грамматические средства выражения эмотивности в языке» Л. К. Парсиевой и Л. Б. Гацаловой. Авторы отмечают, что эмотивные фразеологизмы могут вербализировать различные чувства, эмоции, волевые побуждения говорящего, а также предлагают классификацию таких единиц [6, с. 45–46].

В конце нашего эксперимента, когда респонденты заканчивали записывать свои ответы, выражения *Дорогая мама* и *Мама дорогая* были произнесены с разной интонацией: *Дорогая мама* – с любовью и нежностью, *Мама дорогая* – с интонацией удивления. В этом случае, все 92 участника

опроса заявили, что такие выражения можно услышать в абсолютно разных ситуациях, признали за ними разные значения.

Таким образом, эксперимент показал, что порядок слов оказывает влияние на семантику словосочетания. Говорящий может намеренно менять местами слова в словосочетании, нарушая порядок слов, признанный нормой, тем самым, передавая различные эмоциональные состояния. Однако, синтаксические эмотивы не обладают той же степенью выразительности, что и просодические или лексические средства. Намерения говорящего, выраженные с помощью синтаксических эмотивных единиц, не всегда верно декодируются адресатом, но в сочетании с другими средствами, пунктуацией и интонацией, возможность неправильной трактовки сводится к минимуму.

Заключение

Спектр человеческих эмоций необычайно широк, но ещё больше существует вербальных и невербальных способов выражения этих состояний. В зависимости от ситуации и намерений говорящий выбирает эмотивное средство или сочетание таких средств, чтобы передать свои эмоции. По итогам исследования можно сказать, что эмотивные средства синтаксического уровня довольно пластичны и неоднозначны и поэтому могут выражать разные эмоции, если говорящий их сочетает с эмотивами других языковых уровней, например, с просодическими средствами. В связи с тем, что синтаксические явления, прежде всего, нарушения и отклонения от нормы на уровне словосочетания и предложения, могут увести намерения и эмоции говорящего в импликацию, нам они кажутся особенно интересными и открывают перспективы дальнейших исследований.

Список литературы:

1. Большой энциклопедический словарь в 2-х томах. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. Энциклопедия. Т. 2, 1991. 863 с.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1863–1866. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=7121> (дата обращения: 21.08.2025).
3. Елистратов В. С. Словарь русского арго М.: Русские словари, 2002. 694 с. URL: https://russian_argo.academic.ru (дата обращения: 21.08.2025).
4. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исследований. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 21.08.2025).
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova> (дата обращения: 20.08.2025).
6. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Грамматические средства выражения эмотивности в языке. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 181 с.
7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение. 1976. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm> (дата обращения: 20.08.2025).
8. Сажина Е. В., Семак Д. С. «Эмоциональность» и «эмотивность» в лингвистике: к разграничению понятий // Эпоха науки. 2019. № 20. URL: <file:///C:/Users/Acer/Downloads/emotsionalnost-i-emotivnost-v-lingvistike-k-razgranicheniyu-ponyatiy.pdf> (дата обращения: 19.08.2025).
9. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940); (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims (дата обращения: 20.08.2025).
10. Турбина О. А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2013. Том 10, № 2. URL: <https://vestnik.susu.ru/linguistics/article/download/43/36> (дата обращения: 21.08.2025).

11. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ. 2008. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 21.08.2025).

12. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

References:

1. Bol`shoj e`ncilopedicheskiy slovar` v 2-x tomakh. / Gl. red. A. M. Proxorov. M.: Sov. E`nciklopediya. T. 2, 1991. 863 s.

2. Dal` V. I. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikoruskogo yazy`ka : V 4 t. M.: Tovarishhestvo «Pечатnya S. P. Yakovleva», 1863–1866. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=7121> (data obrashheniya: 21.08.2025).

3. Elistratov V. S. Slovar` russkogo argo M.: Russkie slovari, 2002. 694 s. URL:https://russian_argo.academic.ru (data obrashheniya: 21.08.2025).

4. Kuznecov S. A. Bol`shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka / Ros. akad. nauk, In-t lingv. issledovanij. SPb.: Norint, 2000. 1536 s. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (data obrashheniya: 21.08.2025).

5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova> (data obrashheniya: 20.08.2025).

6. Parsieva L. K., Gaczalova L. B. Grammaticheskie sredstva vy`razheniya e`motivnosti v yazy`ke. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. 181 s.

7. Rozental` D. E`., Telenkova M. A. Slovar`-spravochnik lingvisticheskix terminov. Izd. 2-e. M.: Prosveshhenie. 1976. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm> (data obrashheniya: 20.08.2025).

8. Sazhina E. V., Semak D. S. «E`mocional`nost`» i «e`motivnost`» v lingvistike: k razgranicheniyu ponyatij // E`poxa nauki. 2019. № 20. URL: <file:///C:/Users/Acer/Downloads/emotsionalnost-i-emotivnost-v-lingvistike-k-razgranicheniyu-ponyatij.pdf> (data obrashheniya: 19.08.2025).

9. Tolkovyj slovar` russkogo yazy`ka pod redakciej D. N. Ushakova (1935–1940); (e`lektronnaya versiya): Fundamental`naya e`lektronnaya biblioteka. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims (data obrashheniya: 20.08.2025).

10. Turbina O. A. Priroda e`motivnogo sintaksisa i ego kategorij // Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika». 2013. Tom 10, № 2. URL: <https://vestnik.susu.ru/linguistics/article/download/43/36> (data obrashheniya: 21.08.2025).

11. Fyodorov A. I. Frazelogicheskiy slovar` russkogo literaturnogo yazy`ka. M.: Astrel`, AST. 2008. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (data obrashheniya: 21.08.2025).

12. Shaxovskij V. I. Lingvisticheskaya teoriya e`mocij. M.: Gnozis, 2008. 416 s.

Информация об авторе:

М. В. Волкова – кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the author:

M. V. Volkova – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2025; одобрена после рецензирования 07.09.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was published 22.09.2025; approved after reviewing 07.09.2025; accepted for publication 10.09.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 811.512.366'374+930.85(=512.366)

**Керим Аннабайрамович Кертиев^{1✉}, Мейлис Аннаорович Алламырадов,
Тувакмаммет Аманбердиевич Джапаров, Энеш Амангельдиевна Розыева,
Эзиз Гурбандурдыевич Аннаков²**

Туркменский государственный финансовый институт, Ашхабад, Туркменистан

¹tax_trm@inbox.ru

²makala2024@yandex.ru

«ГРЕЧЕСКО-ТУРКМЕНСКИЙ СЛОВАРЬ» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли греческо-туркменских словарей XIX века как уникального источника для изучения туркменского языка и межкультурных связей в эпоху Османской империи. Особое внимание уделено анализу «Греческо-туркменского словаря» (1860, 1899–1900), который стал важным инструментом систематизации туркменской лексики и представлял собой значимый шаг в развитии двуязычной лексикографии. Издание словаря поднимало вопросы сохранения и популяризации туркменской культуры среди грекоязычного населения, служа мостом между тюркским и эллинским мирами.

Словарь был составлен в условиях взаимодействия различных культур и языков в Караманидском и Османском государствах, где тесные контакты с Византией, Венецией и другими европейскими странами способствовали росту интереса к туркменскому языку и культуре. В исследовании рассмотрены особенности структуры словаря, в котором каждое туркменское слово

представлено арабским письмом, затем транскрибировано греческими буквами и снабжено толкованием на греческом языке, что облегчало освоение туркменского языка и стимулировало культурный обмен.

Исследование выявляет ключевую роль греческо-туркменских словарей в сохранении лексики, связанной с политическими, социальными и культурными аспектами жизни туркмен. В словаре можно найти такие термины, как «нейтралитет» и «битик», которые не только отражают политическую и административную жизнь туркмен, но и подчёркивают влияние западной и византийской традиций на местную культуру. Словарь становится не только инструментом для изучения языка, но и ценнейшим источником для исследования трансграничных культурных процессов, политической мысли и социокультурной идентичности туркменского народа.

Ключевые слова: туркменская культура, лексикография, греческо-туркменский словарь, межкультурный диалог, фонетические особенности, историко-культурная интерпретация, тюркские языки

Для цитирования: Кертиев К. А., Алламырадов М. А., Джапаров Т. А., Розыева Э. А., Аннаков Э. Г. «Греческо-туркменский словарь» и его значение в изучении истории туркменского языка // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 3 (11). С. 37–50.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 811.512.366'374+930.85(=512.366)

Kerim A. Kertiev^{1✉}, Meylis A. Allamyradov, Tuvakmammet A. Japarov, Enesh A. Rozyyeva, Eziz G. Annakov²

Turkmen State Financial Institute, Ashgabat, Turkmenistan

¹tax_trm@inbox.ru

²makala2024@yandex.ru

«GREEK-TURKMEN DICTIONARY» AND ITS SIGNIFICANCE IN LEARNING THE HISTORY OF TURKMEN LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the study of the role of Greek-Turkmen dictionaries of the 19th century as a unique source for the study of the Turkmen language and intercultural relations in the era of the Ottoman Empire. Particular attention is paid to the analysis of the Greek-Turkmen Dictionary (1860, 1899–1900), which became an important tool for systematizing Turkmen vocabulary and represented a significant step in the development of bilingual lexicography. The publication of the dictionary raised the issues of preserving and popularizing Turkmen culture among the Greek-speaking population, serving as a bridge between the Turkic and Hellenic worlds.

The dictionary was compiled in the context of the interaction of various cultures and languages in the Karamanid and Ottoman states, where close contacts with Byzantium, Venice and other European countries contributed to the growing interest in the Turkmen language and culture. The study examined the peculiarities of the structure of the dictionary, in which each Turkmen word is represented in Arabic, then transcribed in Greek letters and provided with interpretation in Greek, which facilitated the development of the Turkmen language and stimulated cultural exchange.

The study reveals the key role of Greek–Turkmen dictionaries in preserving vocabulary related to the political, social and cultural aspects of Turkmen life. Terms such as «neutrality» and «bitik» can be found in the dictionary, which not only reflect the political and administrative life of the Turkmens, but also emphasize the influence of Western and Byzantine traditions on the local culture. The dictionary becomes not only a tool for studying the language, but also a valuable source for studying cross-border cultural processes, political thought and the socio–cultural identity of the Turkmen people.

Keywords: turkmen culture, lexicography, greek-turkmen dictionary, Intercultural dialogue, phonetic features, historical and cultural interpretation, turkic languages

For citation: Kertiev K. A., Allamyradov M. A., Japarov T. A., Rozyyeva E. A., Annakov E. G. «Greek-turkmen dictionary» and its significance in learning the history of turkmen language // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 3 (11): 37–50. (In Russ.).

Введение

Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов подчёркивает важность осмысления и возрождения материального и нематериального культурного наследия предков. Это отражает не только стремление к сохранению исторической памяти, но и подчёркивает активную позицию современного Туркменистана в области гуманитарного и культурного познания [7].

Несмотря на то, что вклад туркменского народа в развитие мировой культуры на разных исторических этапах изучался известными учёными, он по-прежнему остаётся источником новых открытий и научных дискуссий [1]. Особенно актуальным становится исследование письменных памятников, созданных на стыке различных культурных и языковых традиций. В научной литературе установлено, что значительная часть древнетюркских и средневековых трудов была записана с использованием орхоно-енисейской, арабской, армянской, грузинской и индийской письменности, что отражает сложное взаимодействие культурных пластов на евразийском пространстве.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Начиная со второй половины XV века, и вплоть до 1920–х годов наблюдается интересный и малоизученный феномен: появление большого числа произведений на туркменском языке, выполненных греческими и латинскими буквами. Этот культурный и научный пласт, в основном, формировался в рамках Караманидского и Османского государств, где

взаимодействие с Византией, Венецией и другими европейскими странами способствовало росту интереса к туркменской культуре и языку [10]. Особенно заметно это проявилось в XVIII–XIX веках, когда европейские учёные, ориенталисты и путешественники стали активнее обращаться к источникам на туркменском языке [11].

Согласно исследованиям греческого историка Евангелии Балты и других специалистов, на сегодняшний день известно более 750 подобных работ. Многие из них представляют собой ценные источники для изучения развития туркменского языка, особенностей письменности, а также взаимосвязей между исламской, византийской и западноевропейской культурными традициями [2]. Кроме того, в ряде книг, написанных на иностранных языках, встречаются фрагменты и надписи на туркменском, что подчёркивает многоязычность и межкультурный характер научного и литературного пространства того времени.

Таким образом, сохранение и системное изучение подобных рукописей и изданий представляет собой важнейшее направление гуманитарных исследований. Эти источники не только углубляют наше представление о культурной самобытности туркменского народа, но и открывают новые горизонты для анализа трансграничных культурных процессов в истории Евразии.

В контексте расширяющегося научного интереса к истории и культуре Османского туркменского государства, занимавшего геостратегическое положение на пересечении трёх континентов и обладавшего значительным политическим и культурным влиянием, следует выделить важную лингвистическую инициативу – создание двуязычных словарей, способствовавших изучению туркменского языка и развитию межкультурного диалога [17].

Одним из первых подобных трудов стал «Греческо-туркменский словарь» (*Lexikon Ellino-Tourkikon*), изданный в Афинах в 1860 году. Эта работа стала

значительным шагом в направлении систематизации и популяризации туркменской лексики среди грекоязычного населения.

Позднее, в 1899–1900 годах, в Стамбуле было издано более объёмное и комплексное лексикографическое произведение под тем же названием. Оно включало два тома: первый том насчитывал 1050 страниц, второй –1052 страницы. Словарные статьи были расположены в соответствии с арабским алфавитом, что свидетельствует о сохранении традиционной системы классификации тюркской лексики того времени [12].

Структура словаря заслуживает особого внимания: каждое туркменское слово записано арабским письмом, затем приводится его транскрипция с использованием греческого алфавита, после чего следует толкование термина на греческом языке [8]. Такой подход не только облегчал освоение туркменского языка представителями греческой культуры, но и демонстрировал высокий уровень филологической подготовки составителей.

Авторы словаря в издании не указаны, однако детальный анализ структуры, лексического наполнения, а также особенностей интерпретации отдельных слов, позволяет предположить, что составление данного труда осуществлялось специалистами, глубоко владеющими туркменским языком и знакомыми с его диалектными, историческими и культурными особенностями. Сравнение с другими аналогичными источниками того периода также свидетельствует о наличии авторской интерпретации и творческого подхода в представлении языкового материала

Таким образом, данные словари представляют собой не только лингвистический инструмент, но и важнейший источник для изучения языковых контактов, культурной трансмиссии и исторических взаимосвязей между тюркским и эллинским мирами. Их значение выходит за рамки сугубо прикладного назначения, занимая достойное место в ряду межкультурных документов османской эпохи [19].

При передаче древних туркменских слов с использованием арабского алфавита возникают определённые трудности, связанные с несовпадением фонетических систем [18]. В частности, арабская графика не всегда позволяет точно отразить специфические звуки туркменского языка, что приводит к неоднозначности прочтения отдельных лексем. Эта проблема фонетической неадекватности ограничивает точность передачи устной речи и порождает вариативность в интерпретации письменных источников.

В отличие от этого, греческий алфавит, обладающий более развитой системой обозначения гласных и согласных звуков, позволяет более точно зафиксировать часто встречающиеся в туркменском языке фонемы [4]. Это обстоятельство особенно проявляется в двуязычных словарях, составленных в XIX веке, в которых туркменские слова представлены сначала в арабской графике, затем транслитерированы греческими буквами, а затем сопровождаются толкованием на греческом языке.

Одной из примечательных особенностей, повышающих научную и историко-культурную ценность этих словарей, является включение в них не только общеупотребительной лексики, но и редких терминов, включая политические, антропонимические и культурно-специфические выражения [13]. Это позволяет рассматривать данные словари не только как лингвистический инструмент, но и как отражение социокультурной действительности соответствующего исторического периода.

Так, в одном из таких словарей зафиксировано понятие «нейтралитет» (в виде греческой транслитерации «πιταραλ-ληκ»), которому даётся толкование как «нейтральное государство». Этот факт представляет собой важное свидетельство раннего присутствия в туркменской лексике термина, лёгшего в основу концепции постоянного нейтралитета, официально принятой Туркменистаном в XX веке [15]. Наличие этого термина уже в XIX веке позволяет утверждать, что идея нейтралитета, как основы международной

политики, имела более глубокие историко-лингвистические корни, восходящие к политико-правовой мысли Османской эпохи.

Также в словаре отмечено использование термина «бан» («*παν*»), трактуемого как «правитель, владыка», что дополнительно подчёркивает присутствие развитого политико-административного понятийного аппарата в туркменской терминологии того времени [3].

Особый интерес представляют лексемы с расширенным семантическим диапазоном. Так, слово «отцовство» (в виде греческой транслитерации «*τα λ-κ*») раскрывается не только в значении «старшинство» или «отеческая забота», но и обозначает «учителя» или «халифа (атабега)» [6]. В туркестанском контексте данное слово может также употребляться в значении «камень», ассоциированный с титулом «визирь». Эта многозначность демонстрирует сложную семиотику понятийной структуры тюркского мира.

Не менее значимым является упоминание в словаре термина «битик» («*πιτικ*»), который в древнетюркской языковой традиции обозначал «книгу, письмо, документ». От него происходило название должности – «битикчи» («*πιτικ-τσι*»), что означало «секретарь», «писарь» или «человек, ведущий документацию». Наличие этого термина свидетельствует о высокой степени письменной культуры среди носителей туркменского языка и развитости административно-бюрократических институтов. Таким образом, использование таких понятий указывает на существование у туркмен письменной традиции, уходящей корнями в глубь веков, а также на активное функционирование делопроизводства и книжного дела.

Подобные словарные статьи не только расширяют наши представления о лексическом составе туркменского языка в эпоху Османской империи, но и служат источником для изучения семантической эволюции терминов, отражающих государственно-политическую и культурную жизнь тюркского сообщества.

Одна из ключевых особенностей «Греческо-туркменского словаря» заключается в глубокой историко-культурной интерпретации отдельных лексем, что делает его не просто лингвистическим справочником, но и важным источником по истории, этнографии и духовной культуре туркменского народа.

Так, слово «лектас» (в транслитерации с греческого) толкуется как «идентичный», «равный». В расширенной интерпретации термина упоминается суфийская традиция, обозначаемая как «одноклассники» (по смыслу – равные духовные братья или ученики одного наставника). Это указывает на тесную связь лексического содержания словаря с историко-религиозными реалиями Средневековья [5]. Тем самым авторы демонстрируют не просто знание языка, но и глубокое понимание социокультурного контекста употребления конкретных терминов. Это обстоятельство придаёт словарю дополнительную научную ценность и делает его источником, имеющим междисциплинарное значение.

Важную роль в словаре играет фиксация слов, широко распространённых в средние века, но со временем ставших архаизмами. Одновременно в нём представлены и такие лексемы, которые, несмотря на древнее происхождение, получили новое или расширенное значение в современном туркменском языке. Так, например, слово «вечный» в современном языке преимущественно употребляется в значениях «всегда» или «жизнь», однако в словаре зафиксировано и дополнительное значение – «дворец», «место жительства», «резиденция». Это семантическое расширение позволяет проследить эволюцию понятийной системы и связи между пространственными, временными и социальными категориями в туркменской культуре.

Отдельного внимания заслуживает этноним «баят» («*baýat*»), один из древнейших в туркменской этнонимике. В словаре он трактуется как «древний», «первоначальный», что подтверждает его архаический статус и отражает устойчивое коллективное историческое самосознание носителей языка.

Также в словаре зафиксировано слово «миндаль» («патам»), употребляемое в значении «pisse» (возможное толкование как «урожай миндаля» или производная от туркменского названия плода). Примеры подобного рода демонстрируют включённость в лексикон элементов повседневной жизни и природного окружения, что характерно для аграрной и ремесленной традиции туркмен [14].

Лексема «барк» («тарк») в словаре обозначает «семью», «дом», «очаг» – наряду с другими туркменскими терминами с аналогичным значением. Это слово укрепляет понимание категории «дом», как ключевого культурного и мировоззренческого понятия в системе традиционных туркменских ценностей, связывающего личное, родовое и национальное [16].

Словарь также содержит названия различных ремесленных изделий, орудий труда, мужских имён, а также терминов родства и социального статуса, широко употреблявшихся в туркменских государствах. Таким образом, зафиксированная в словаре лексика отражает целый пласт этнографических, социокультурных и профессиональных реалий, имеющих важное значение для реконструкции образа жизни и ментальности туркмен в различные исторические эпохи [9].

Заключение

Следовательно, «Греческо-туркменский словарь» представляет собой не только лексикографическое собрание, но и ценнейший научный источник. Он способен служить основой для углублённых исследований в области исторической лингвистики, этнологии, фольклористики, а также истории социально-политической мысли туркменского народа.

Список литературы:

1. Аманмурадов А. А. Культурное наследие Туркменистана: история и перспективы изучения. Ашхабад: Ылым, 2020. 260 с.
2. Атамурадов Р. К. Туркменский язык в среде караманлидов: историко-лингвистические наблюдения // Язык и культура. 2021. № 4. С. 91–99.

3. Ахметова З. Р. Политико-административная лексика в тюркских языках: историко-лингвистический анализ // Вестник востоковедения. 2015. № 2. С. 78–85.
4. Балта Е. А. Греческо-турецкие словари XIX века как источник по истории языковых контактов // Византийский временник. 2014. Т. 73 (98). С. 177–189.
5. Балта Е. А. Тюркские заимствования в греческой лексикографии: источники и интерпретации. Афины: Институт балканских исследований, 2021. 232 с.
6. Бекмухамедов Р. Т. Семантические особенности ключевых терминов в классической тюркской лексике // Журнал тюркологии. 2018. Том 10, № 3. С. 134–142.
7. Бердымухамедов Г. М. Туркменистан – сердце Великого Шёлкового пути. Ашхабад: Туркменгосиздат, 2012. 303 с.
8. Грунина Э. С. Туркменский язык. 2005. М.: Восточная литература, 288 с.
9. Караев С. А. Туркменский язык и культура: историко-этнографические исследования. Ашхабад: Ылым, 1999. 198 с.
10. Кафесоглу И. История тюркских народов. М.: Восточная литература, 2002. 190 с.
11. Кондратьев С. В. Ислам и Византия: культурные взаимодействия в Малой Азии // Византийский временник. 2019. № 76 (1). С. 55–68.
12. Мирзаев Р. С. Тюркские языки и их письменность в контексте культурных взаимодействий. СПб.: Издательство СПбГУ, 2017. 286 с.
13. Михайлова Т. И. Антропонимия в лексикографии: историко-культурные аспекты // Историческая лингвистика. 2019. № 2. С. 102–110.
14. Мухамедов Т. А. Историко-культурные аспекты аграрной лексики в туркменском языке // Научные труды Института истории. 2021. Вып. 40. С. 102–110.

15. Нурмухамедов Д. С. Терминология нейтралитета в историческом контексте Туркменистана // Научные записки гуманитарных наук. 2019. Вып. 15. С. 68–75.

16. Павленко Н. В. Семантика понятий «дом», «семья», «род» в тюркской языковой картине мира // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2021. № 3. С. 110–118.

17. Сафина Г. А. Двужычные словари и их роль в развитии лингвистического взаимодействия между Востоком и Западом // Вопросы лингвистики. 2019. № 2. С. 56–67.

18. Туркменский алфавит // Wikipedia: [энциклопедия]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Turkmen_alphabet (дата обращения: 15.08.2025).

19. Kappler M. A Tale of Two Languages: Tracing the History of Turkish-Greek Language Contacts // *Türk Dilleri Araştırmaları*. 2011. № 21 (1). С. 95–130.

References:

1. Amanmuradov A. A. Kul`turnoe nasledie Turkmenistana: istoriya i perspektivy` izucheniya. Ashxabad: Y`ly`m, 2020. 260 s.

2. Atamuradov R. K. Turkmenskij yazy`k v srede karamanlidov: istoriko-lingvisticheskie nablyudeniya // Yazy`k i kul`tura. 2021. № 4. S. 91–99.

3. Axmetova Z. R. Politiko-administrativnaya leksika v tyurkskix yazy`kax: istoriko-lingvisticheskij analiz // Vestnik vostokovedeniya. 2015. № 2. S. 78–85.

4. Balta E. A. Grechesko-tureczkie slovari XIX veka kak istochnik po istorii yazy`kovy`x kontaktov // Vizantijskij vremennik. 2014. T. 73 (98). S. 177–189.

5. Balta E. A. Tyurkskie zaimstvovaniya v grecheskoj leksikografii: istochniki i interpretacii. Afiny`: Institut balkanskix issledovanij, 2021. 232 s.

6. Bekmuhamedov R. T. Semanticheskie osobennosti klyuchevy`x terminov v klassicheskoj tyurkskoj leksike // Zhurnal tyurkologii. 2018. Tom 10, № 3. S. 134–142.

7. Berdy`muxamedov G. M. Turkmenistan – serdce Velikogo Shyolkovogo puti. Ashxabad: Turkmengosizdat, 2012. 303 s.
8. Grunina E` . S. Turkmenskij yazy`k. 2005. M.: Vostochnaya literatura, 288 s.
9. Karaev S. A. Turkmenskij yazy`k i kul`tura: istoriko-e`tnograficheskie issledovaniya. Ashxabad: Y`ly`m, 1999. 198 s.
10. Kafesoglu I. Istoriya tyurkskix narodov. M.: Vostochnaya literatura, 2002. 190 s.
11. Kondrat`ev S. V. Islam i Vizantiya: kul`turny`e vzaimodejstviya v Maloj Azii // Vizantijskij vremennik. 2019. № 76 (1). S. 55–68.
12. Mirzaev R. S. Tyurkskie yazy`ki i ix pis`mennost` v kontekste kul`turny`x vzaimodejstvij. SPb.: Izdatel`stvo SPbGU, 2017. 286 s.
13. Mixajlova T. I. Antroponimiya v leksikografii: istoriko-kul`turny`e aspekty` // Istoricheskaya lingvistika. 2019. № 2. S. 102–110.
14. Muxamedov T. A. Istoriko-kul`turny`e aspekty` agrarnoj leksiki v turkmenskom yazy`ke // Nauchny`e trudy` Instituta istorii. 2021. Vy`p. 40. S. 102–110.
15. Nurmuxamedov D. S. Terminologiya nejtraliteta v istoricheskom kontekste Turkmenistana // Nauchny`e zapiski gumanitarny`x nauk. 2019. Vy`p. 15. S. 68–75.
16. Pavlenko N. V. Semantika ponyatij «dom», «sem`ya», «rod» v tyurkskoj yazy`kovoju kartine mira // Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya. 2021. № 3. S. 110–118.
17. Safina G. A. Dvuyazy`chny`e slovari i ix rol` v razvitii lingvisticheskogo vzaimodejstviya mezhdu Vostokom i Zapadom // Voprosy` lingvistiki. 2019. № 2. S. 56–67.
18. Turkmenskij alfavit // Wikipedia: [e`nciklopediya]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Turkmen_alphabet (data obrashheniya: 15.08.2025).
19. Kappler M. A Tale of Two Languages: Tracing the History of Turkish-Greek Language Contacts // Türk Dilleri Araştırmaları. 2011. № 21 (1). S. 95–130.

Информация об авторах:

К. А. Кертиев – кандидат экономических наук, старший преподаватель, Туркменский государственный финансовый институт

М. А. Алламырадов – старший преподаватель, Туркменский государственный финансовый институт

Т. А. Джапаров – преподаватель, Туркменский государственный финансовый институт

Э. А. Розыева – преподаватель, Туркменский государственный финансовый институт

Э. Г. Аннаков – студент, Туркменский государственный финансовый институт

Information about the authors:

K. A. Kertiev – Ph.D. (Economics), senior lecturer, Turkmen State Financial Institute

M. A. Allamyradov – senior lecturer, Turkmen State Financial Institute

T. A. Japarov – lecturer, Turkmen State Financial Institute

E. A. Rozyyeva – lecturer, Turkmen State Financial Institute

E. G. Annakov – student, Turkmen State Financial Institute

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 05.07.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was published 06.06.2025; approved after reviewing 05.07.2025; accepted for publication 10.09.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81

Елена Вениаминовна Кузнецова^{1✉}, Аделя Асылбековна Джардемова²

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

¹Lena_kouznetsova@mail.ru

²dzhardemova2003@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЁМА КОНТРАСТА В НОВЕЛЛЕ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ «КАРМЕН»

Аннотация. В данной статье проведено исследование контраста как стилистической особенности новеллы «Кармен» Проспера Мериме. Французский писатель XIX века трансформировал такой литературный жанр, как новелла. Анализируя приём контраста, авторы доказывают, что данный приём является одним из маркеров отличия стиля данного писателя и неотъемлемым стилистическим приёмом новеллы «Кармен», где всё повествование строится на контрасте. Актуальность статьи не вызывает сомнений, так как в настоящее время в лингвистической науке особое внимание уделяется изучению языковых средств выражения различных эмоционально-экспрессивных категорий, которые передают отношение автора художественного произведения к изображаемой им действительности. Авторы статьи берут за основу положение о том, что контрастность, являясь одной из основ человеческого познания мира, в художественной литературе способна отразить особенности мировосприятия автора через систему языковых средств его выражения и приходят к выводу, что контраст, как стилистический приём,

позволяет глубже понять внутренние конфликты персонажей. В статье анализ конфликта героев проводится на всех уровнях языка. Семантический контраст в художественных произведениях подчёркивает различия между персонажами, идеями и темами, углубляя понимание текста. В новелле Проспера Мериме «Кармен» ярко выражен контраст между главными героями – Кармен и Доном Хосе. Кармен представляет собой свободную и независимую женщину, отвергающую традиционные нормы, тогда как Дон Хосе олицетворяет долг и обязательства. В центре сюжета конфликт между страстью и долгом перед обществом, семьёй и Богом. Авторы статьи анализируют этот приём на фонетическом уровне (через звуковые эффекты и рифмы), морфологическом (через разные грамматические категории: изъявительное наклонение описывает факты, а условное – желания), лексическом (лексика, выражающая различия в характере персонажей). Таким образом, эти противопоставления создают глубокий контраст между персонажами и их внутренними конфликтами, обогащая текст и углубляя его тематику.

Ключевые слова: контраст, контрастность, образ, семантический аспект, аллитерация

Для цитирования: Кузнецова Е. В., Джардемова А. А. Использование приёма контраста в новелле Проспера Мериме «Кармен» // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 3 (11). С. 51–71.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81

Elena V. Kuznetsova^{1✉}, Adelya A. Dzhardemova²

Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia

¹Lena_kouznetsova@mail.ru

USING CONTRAST IN PROSPER MERIMÉE'S SHORT STORY

«CARMEN»

Abstract. This article studies contrast as a stylistic feature of the novella «Carmen» by Prosper Mérimée. The French writer of the 19th century transformed such a literary genre as a novella. Analyzing the contrast technique, the authors prove that this technique is one of the markers of the distinctive style of this writer and an integral stylistic technique of the novella «Carmen», the entire narrative is built on contrast. The relevance of the article is beyond doubt, since at present in linguistic science special attention is paid to the study of linguistic means of expressing various emotionally expressive categories that convey the attitude of the author of a work of art to the reality depicted by him. The authors of the article take as a basis the fact that contrast, being one of the foundations of human cognition of the world, in fiction is able to reflect the features of the author's worldview through the system of linguistic means of expression and come to the conclusion that contrast as a stylistic device allows us to better understand the internal conflicts of the characters. In the article, the analysis of the conflict of the characters is carried out at all levels of the language. Semantic contrast in fiction emphasizes the differences between characters, ideas, and themes, deepening the understanding of the text. In Prosper Mérimée's novella Carmen, the contrast between the main characters, Carmen and Don José, is clearly expressed. Carmen is a free and independent woman who rejects traditional norms, while Don José represents duty and obligation. The plot centers on the conflict between passion and duty to society, family, and God. The authors of the article analyze this technique at the phonetic level (through sound effects and rhymes), morphological (through different grammatical categories: the indicative mood describes facts, and the conditional mood describes desires), and lexical (vocabulary expressing differences in the characters' personalities). Thus, these

oppositions create a deep contrast between the characters and their internal conflicts, enriching the text and deepening its themes.

Keywords: contrast, contractiveness, image, semantic aspect, alliteration

For citation: Kuznetsova E. V., Dzhardemova A. A. Using contrast in Prosper Merimee's short story «Carmen» // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 3 (11): 51–71. (In Russ.).

Введение

В современной лингвистике особое внимание уделяется исследованию языковых средств, передающих различные эмоционально-экспрессивные категории, отражающие отношение автора художественного произведения к изображаемой им действительности. Контрастность, как одна из основ познания окружающего мира, в литературном тексте становится инструментом выражения авторского мировосприятия через систему художественно-языковых приёмов [6, с. 15].

Контраст и контрастность – мощные выразительные средства в арсенале писателя, которые позволяют создавать яркие, запоминающиеся образы, усиливать смысловую нагрузку произведения и вызывать у читателя глубокий эмоциональный отклик. С их помощью автор не только передаёт идеи, но и выстраивает многослойные нарративы, сохраняющие актуальность и побуждающие к размышлениям [2, с. 201].

При этом контрастность охватывает широкий спектр художественных приёмов и техник, тогда как контраст представляет собой конкретный приём, основанный на противопоставлении [1, с. 65]. Контрастность может быть направлена на достижение более сложных художественных целей – создание глубины, многозначности и структурной сложности текста. Контраст же, как частный случай контрастности, чаще всего используется для акцентирования различий между образами, персонажами, идеями [4, с. 78].

Контраст служит эффективным средством выделения ключевых моментов художественного текста, делая их более выразительными,

запоминающимися и эмоционально насыщенными. Его применение способствует формированию индивидуального авторского стиля, способного отражать философские взгляды и эстетические предпочтения писателя. Кроме того, контраст позволяет глубже раскрыть центральные темы произведения, демонстрируя многогранность человеческих эмоций и сложность межличностных отношений. Он может также выполнять структурную функцию, усиливая напряжение и динамику повествования, акцентируя внимание на конфликтах и внутренних противоречиях [3, с. 31].

Контраст может реализовываться на различных уровнях художественного текста и принимать самые разные формы, что делает его универсальным инструментом в руках писателя [9, с. 57]. На лексико-семантическом уровне он проявляется через использование антонимов и противопоставленных понятий. Синтаксический контраст включает противопоставление предложений или их частей, часто реализуемое с помощью инверсии, параллелизма или антитезы [6, с. 21]. Например, автор может применять параллельные конструкции, чтобы подчеркнуть различия между персонажами, событиями или идеями [8].

Одним из наиболее распространённых приёмов является противопоставление персонажей – особенно антагонистов, чьи качества, цели и мотивации намеренно контрастируют [5, с. 119]. Такое противопоставление не только усиливает драматизм и создаёт конфликт, но и способствует более глубокому осмыслению ключевых тем произведения.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Принцип контраста занимает ключевое место в литературной манере Проспера Мериме. Анализ его применения позволяет глубже проникнуть в авторский замысел, понять особенности построения образов и сюжетных линий, а также выявить характерные черты индивидуального стиля писателя. Контраст, как стилистический приём, способствует более тонкому раскрытию внутренних конфликтов персонажей, что, в свою очередь, делает возможным

междисциплинарный подход к его произведениям – в частности, с позиций психологии и исследования человеческой природы.

В новелле Проспера Мериме «Кармен» особенно ярко проявляется контраст между главными героями – Кармен и Доном Хосе. Семантический контраст в художественном тексте позволяет не только усилить выразительность, но и углубить восприятие ключевых смыслов произведения. Противопоставление Кармен и Дона Хосе служит ярким примером этого приёма. Кармен предстает как свободная, независимая женщина, отвергающая социальные нормы и ограничения. В то время как Дон Хосе воплощает образ человека, связанного с долгом и моральными обязательствами, изначально представляя собой идеал порядочности и дисциплины. Этот контраст подчёркивает внутренний конфликт между страстью и долгом – одну из центральных тем новеллы.

Кармен, как представительница цыганского народа, воплощает в себе дух свободы и независимости, тогда как Дон Хосе, офицер, – фигура, тесно связанная с социальными нормами, порядком и ожиданиями общества. Их взаимоотношения иллюстрируют не только личностный конфликт, но и контраст между различными социальными слоями и жизненными установками. Стремление к свободе выражается и в описании Кармен, данном автором: *Je doute fort que mademoiselle Carmen fût de race pure, du moins elle était infiniment plus jolie que toutes les femmes de sa nation que je n'aie jamais rencontrées... C'était une beauté étrange et sauvage, une figure qui étonnait d'abord, mais qu'on ne pouvait oublier. Ses yeux surtout avaient une expression à la fois voluptueuse et farouche que je n'ai trouvée depuis à aucun regard humain. Œil de bohémien, œil de loup, c'est un dicton espagnol qui dénote une bonne observation. Si vous n'avez pas le temps d'aller au Jardin des Plantes pour étudier le regard d'un loup, considérez votre chat quand il guette un moineau* [10, с. 19]. Я сильно сомневаюсь в чистокровности сеньориты Кармен, во всяком случае, она была бесконечно красивее всех её соплеменниц, которых я когда-либо встречал... То была

странная и дикая красота, лицо, которое на первый взгляд удивляло, но которое нельзя было забыть. В особенности у её глаз было какое-то чувственное и в то же время жестокое выражение, какого я не встречал ни в одном человеческом взгляде. «Цыганский глаз – волчий глаз», – говорит испанская поговорка, и это – верное замечание. Если вам некогда ходить в зоологический сад, чтобы изучать взгляд волка, посмотрите на вашу кошку, когда она подстерегает воробья [7, с. 16].

Кармен предстает символом непокорности и бунта против навязанных обществом ролей. Она отвергает традиционные ожидания, связанные с женской покорностью, верностью и семейной заботой. В отличие от большинства женщин, следующих установленным нормам, Кармен осознанно выбирает свободу как главный жизненный ориентир.

В одной из ключевых сцен Кармен заявляет: *Carmen sera toujours libre. Calli est née, Calli mourra. Кармен всегда будет свободной. Цыганкой родилась, цыганкой и умрёт* [10, с. 35], что в русском переводе звучит как *Я свободна, как ветер* [7, с. 33]. Эта реплика чётко подчёркивает её стремление к полной независимости и решимость жить по собственным правилам. Даже Дон Хосе, будучи её возлюбленным, осознаёт её непреклонное желание быть свободной.

Проспер Мериме символически сравнивает Кармен с хамелеоном: *Carmen ne disait rien; elle serrait les dents, et roulait des yeux comme un caméléon* – *Кармен молчала, стиснув зубы и вращая глазами, как хамелеон*, подчёркивая её изменчивость и неуловимую натуру. Дон Хосе, пытаясь осмыслить её характер, прибегает к разнообразным зооморфным метафорам, называя Кармен то *chatte* (кошкой), то *comme une pouliche du haras de Cordoue* (молодой кобылицей из конного завода в Кордове), то *mouton doux* (кроткой овечкой) [10, с. 105; 7, с. 101]. Эти образы, сменяющие друг друга, отражают противоречивое восприятие Кармен – как хищной, страстной и одновременно мягкой и ускользающей личности.

В то время как Дон Хосе, как солдат, обязан подчиняться общественным нормам и требованиям воинской дисциплины, Кармен демонстративно отвергает эти правила, выбирая путь личной свободы и независимости. Их жизненные установки ярко противопоставлены в репликах: *Je dois être fidèle à ton devoir – Я должен быть верен своему долгу*, – говорит Дон Хосе, подчёркивая свою приверженность службе и порядку. В ответ Кармен заявляет: *Je ne vis que pour moi-même – Я живу только для себя* [10, с. 70; 7, с. 67], что отражает её эгоцентричную философию и стремление к полной автономии. Этот диалог усиливает контраст между персонажами и подчёркивает центральный конфликт между долгом и личной свободой, лежащий в основе новеллы.

В новелле Дон Хосе предстаёт как типичный испанский солдат, как внешне, так и психологически. Он изображён высоким, подтянутым мужчиной с мужественным лицом, на котором читается решительность:

Il était grand et tiré avec un visage viril sur lequel la détermination était lue [10, с. 35] – он был высоким и подтянутым, с мужественным лицом, на котором читалась решительность [7, с. 34]. Ношение военной формы с наградами подчёркивает его принадлежность к армии и воинский долг: *Il portait un uniforme orné de insignes qui témoignaient de son service* [10, с. 41] – на нём была форма, украшенная знаками отличия, свидетельствующими о его службе [7, с. 37].

В описании лица Дона Хосе часто акцентируются строгие и выразительные черты, отражающие его внутреннее состояние: *Ses yeux étaient pleins de passion et d'angoisse, les coins des lèvres donnaient une humeur dépressive* [10, с. 37] – его глаза были полны страсти и тоски, а углы губ выдавали подавленное настроение [7, с. 34]. В целом, Дон Хосе производит впечатление человека, сочетающего в себе силу и уязвимость, что подчёркивает его внутренние противоречия: *Il y avait le même mélange de force et de tendresse qui*

rend un homme vraiment attrayant – в нём была та самая смесь силы и нежности, что делает мужчину поистине привлекательным.

Благодаря этим подробным описаниям, Мериме создаёт образ сложного и многогранного героя, чьи внешние характеристики служат зеркалом его душевных переживаний и конфликтов. Встреча с Кармен становится переломным моментом в жизни Дона Хосе, приводя его к глубокому внутреннему противостоянию между долгом и любовью. Его чувство чести и преданности постепенно разрушается под влиянием страстной женщины, что также иллюстрирует приём контраста через внутренний конфликт главного героя. Примерами этому служат его признания: *J'étais un soldat, mais l'amour pour Carmen m'a fait oublier le devoir d'honneur* [10, с. 87] – я был солдатом, но любовь к Кармен заставила меня забыть о долге и чести [7, с. 84] и *J'étais prêt à tout pour elle, même pour trahir mes camarades* [10, с. 92] – я был готов на всё ради неё, даже на предательство своих товарищей [7, с. 90].

В описаниях сцен, связанных с Кармен, часто используются образы света и тьмы, создавая глубокий символический контраст. Например, вечерние сцены нередко описываются через призму света и тени. Когда Кармен танцует при свете луны, это олицетворяет её свободу и жизненную энергию, тогда как Дон Хосе остаётся в тени своих страстей и внутренних терзаний: *La lune brillait, son ombre tombait sur le sol* – луна светила ярко, и её тень падала на землю [10, с. 90].

Кармен ассоциируется с яркостью, страстью и свободой – символами её независимого духа и жизнерадостности. Она живёт по своим правилам, не подчиняясь общественным нормам. Её образ пронизан светом, который олицетворяет жизненную силу и притягательность: *Elle était comme la lumière du soleil pénétrant dans les coins les plus sombres de la vie* [10, с. 78] – она была как солнечный свет, проникающий в самые тёмные уголки жизни [7, с. 76]. Эта метафора подчёркивает, как Кармен способна освещать мир вокруг себя, наполняя его радостью и энергией.

Дон Хосе, напротив, представлен как образ тьмы, внутренней борьбы и разочарования. Его жизнь наполнена конфликтами и страданиями, вызванными разрушительной любовью к Кармен и невозможностью удержать её рядом. Постепенно он погружается во мрак, теряя свободу и моральные ориентиры: *Il était comme une ombre qui suivait la lumière, mais ne pouvait jamais l'atteindre* [10, с. 83] – он был словно тень, следовавшая за светом, но никогда не достигавшая его [7, с. 81]. Эта метафора ярко отражает его зависимость от Кармен и безысходность, в которую его ввергает роковая страсть.

Семантический аспект контраста ярко проявляется в противопоставлении чувств любви и ненависти. Описывая любовь Дона Хосе к Кармен, автор передаёт всю глубину его страстных и всепоглощающих чувств: *Je l'ai aimée d'une manière que personne ne peut aimer* [10, с. 112] – я любил её так, как никто не может любить [7, с. 109]. Это чувство постепенно превращается в одержимость, губительную для самого Дона Хосе.

Дон Хосе, переживая глубокий внутренний конфликт, выражает свои противоречивые чувства такими словами: *Je te déteste, mais tu ne m'aimes pas* [10, с. 112] – Я ненавижу тебя за то, что ты меня не любишь [7, с. 108]. Эта фраза отражает его болезненную борьбу, переход от любви к ненависти под влиянием Кармен. Далее звучит признание: *Tu as fait de moi une bête* [10, с. 115] – Ты сделала из меня зверя [7, с. 112], подчёркивающее, как сильные чувства способны превратиться в агрессию и отчаяние, когда становятся невыносимыми. Финал новеллы особенно ярко демонстрирует трагизм их отношений, где любовь и ненависть переплетаются до самого конца. Эти цитаты отражают сложные и противоречивые эмоции персонажей, создавая напряжённость и драматизм в их взаимоотношениях: *Je ne peux pas vivre sans toi, mais je ne peux pas être avec toi* [10, с. 131] – Я не могу жить без тебя, но и быть с тобой не могу [7, с. 129].

Проспер Мериме мастерски использует звуковые эффекты, рифмы и аллитерации, чтобы подчеркнуть контраст между персонажами, их эмоциями и

ситуациями. В тексте можно заметить ритмическое противопоставление, проявляющееся в разных аспектах повествования. Так, описание табора цыган наполнено живостью и радостью: *Il y avait de la musique et tout le monde dansait, riait et chantait* [10, с. 78] – Там звучала музыка, и все танцевали, смеялись и пели [7, с. 74].

Этот образ ярко контрастирует с описаниями более строгих и подавленных социальных условий: *La ville était silencieuse, les gens chuchotaient et tout le monde avait peur de montrer ses vrais sentiments* – В городе было тихо, люди шептались, и каждый боялся показать свои истинные чувства [10, с. 78; 7 с. 80].

В диалогах между Кармен и Доном Хосе проявляются резкие переходы от страсти к конфликту, что добавляет их отношениям динамичности и напряжения. Например, Кармен говорит: *Tu es à moi – murmura-t-elle avec un sourire, mais je n'appartiens à personne* [10, с. 73] – ты мой, – шептала она с улыбкой, – но я не принадлежу никому [7, с. 71].

В новелле встречаются примеры звуковых средств, таких как аллитерация и ассонанс, которые помогают подчеркнуть характеры и эмоциональное состояние героев. Так, в описаниях Кармен повествователь часто использует аллитерацию на звук «с», что придаёт тексту музыкальность и усиливает образность. Например: *Carmen comme un chat se faufilait dans les rues* [10, с. 37] – Кармен, как кошка, кралась по улицам [7, с. 35]. В то же время повторение звука «с» создаёт ощущение таинственности и лёгкости движений, отражая свободолобивый и игривый дух героини.

Для образа Дона Хосе автор прибегает к аллитерации на звуки «d» и «j», которая подчёркивает его внутренние противоречия и стремление к идеалу: *Don José, âme vertueuse, aspirait à l'amour* [10, с. 90] – Дон Хосе, душа добродетельная, жаждал любви [7, с. 86]. Такая повторяемость создаёт торжественное, почти медитативное настроение, подчёркивающее глубину чувств и моральных принципов офицера.

Кроме аллитерации, Мериме активно использует ассонанс – повторение одинаковых или схожих гласных звуков, что придаёт тексту мелодичность и ритм. В описании танца и внешности Кармен ассонанс подчёркивает её страсть и обаяние. Например: *Elle s'avavançait en se balançant sur ses hanches comme une pouliche du haras de Cordoue* [10, с. 32] – Она шла, поводя бёдрами, как молодая кобылица кордовского завода [7, с. 29]. Повторение гласного «а» придаёт описанию плавность и музыкальность, отражая пластичность и грациозность движений Кармен.

Использование различных грамматических категорий, позволяет создать динамическую структуру текста, отражающую внутренние конфликты и отношения между персонажами. Морфологические противопоставления в новелле «Кармен» проявляются через времена, наклонения, род и число.

Особенно заметен контраст между изъявительным и условным наклонениями. Изъявительное наклонение фиксирует реальные события и факты, подчёркивая объективность происходящего: *Il aimait Carmen* (он любит Кармен). В то время как условное наклонение выражает желания, надежды или гипотетические ситуации, создавая пространство для мечтаний и сомнений: *Si il savait seulement combien elle l'aime* (если бы он только знал, как она его любит).

Морфологический контраст проявляется и в противопоставлении императива и повествовательных форм. Императивные формы приказывают или призывают к действию, отражая активность и эмоциональную интенсивность взаимоотношений: *Écoute-moi!* [10, с. 53] (слушай меня!) – это прямая и страстная просьба, демонстрирующая напряжённость в общении.

В то же время описательные формы, например, *elle le regardait* (она смотрела на него), создают фон, атмосферу, позволяя читателю наблюдать внутренние переживания персонажей в пассивном состоянии.

Кроме того, противопоставление рода и числа помогает выявить особенности образов и отношений: например, множественное число

подчёркивает общность, социальный контекст, тогда как единственное число акцентирует внимание на индивидуальных чувствах и переживаниях.

В новелле Проспера Мериме лексическое противопоставление играет важную роль в создании контрастов между персонажами, их эмоциональным состоянием и социальными обстоятельствами. Автор широко использует антонимы и противоположные по смыслу выражения, чтобы подчеркнуть фундаментальное различие между Кармен и Доном Хосе.

Кармен воплощает идею свободы и независимости. Её слова *Je ne peux pas être à personne* (я не могу быть ничьей) подчёркивают её непреклонное стремление к автономии и отказу от любых оков. В противоположность этому Дон Хосе, изначально испытывающий любовь, постепенно превращается в её пленника и одержимого, о чём свидетельствуют его слова: *Tu es à moi et je ne te laisserai pas devenir une étrangère* (ты моя, и я не позволю тебе стать чужой) – выражение стремления контролировать и владеть, а также: *Tu n'as jamais été à moi et tu ne serais jamais à personne* [10, с. 91] (нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь) [7, с. 90], которые подчёркивают невозможность собственности и подтверждают непримиримость Кармен.

Ещё один важный лексический контраст проявляется в противопоставлении жизненной энергии Кармен и страданиями Доном Хосе. Она утверждает: *Je vis pour moi-même* (я живу для себя), выражая радость и самоутверждение, в то время как Дон Хосе отвечает: *Je souffre à cause de toi* [10, с. 90] (я страдаю из-за тебя) [7, с. 88], что отражает его внутреннюю боль и безысходность.

Таким образом, лексическое противопоставление в новелле служит мощным средством выражения конфликтных взаимоотношений, подчёркивает диаметрально противоположные жизненные позиции и эмоциональные состояния героев, что усиливает драматизм повествования и глубину образов.

Помимо лексических антонимов, в новелле Проспера Мериме активно используется приём параллелизма, который служит эффективным

инструментом создания контрастов между персонажами, их характерами и жизненными судьбами, а также помогает подчеркнуть центральные темы произведения.

Так, Кармен предстает как легкомысленная и свободолюбивая женщина, *femme fatale*, для которой любовь – это игра, в которую она вступает без серьёзных обязательств: *L'amour est le jeu dans lequel je joue* [10, с. 78] (любовь – это игра, в которую я играю) [7, с. 76].

На контрасте с ней Дон Хосе выражает глубокую привязанность к любимой и безысходность, и зависимость от своей любви: *Je ne peux pas vivre sans toi* (я не могу без тебя жить).

Эти высказывания демонстрируют полное различие в восприятии чувств и отношении к любви у Кармен и Дона Хосе.

В решающий, роковой момент своей судьбы, когда Кармен отстаивает свою свободу, она произносит слова: *Je préfère ma liberté à la mort* (я предпочитаю свою свободу смерти), чем акцентирует своё непоколебимое стремление к независимости, даже ценой жизни. В ответ Дон Хосе, потерявший всё ради неё, молит: *Tu étais mon seul sens de la vie* [10, с. 88] (ты была моим единственным смыслом жизни) [7, с. 85], что подчёркивает трагическую разницу в их судьбах и эмоциональных приоритетах.

В новелле оксюмороны также играют важную роль в передаче внутренней противоречивости и сложности человеческих чувств и отношений. Эти словесные конструкции помогают подчеркнуть двойственную природу переживаний героев, делая эмоциональный контраст более выразительным.

Так, например, *une belle douleur* (сладкая боль) прекрасно иллюстрирует внутренний конфликт Дон Хосе, страдающего от любви к Кармен. Это выражение отражает одновременно и радость, и страдание, которые переплетаются в его душе, подчёркивая, что любовь может быть источником не только счастья, но и мучительной боли.

Другой пример – *un cri tranquille* (тихий крик), который может быть истолкован как символ внутренних переживаний Кармен. Несмотря на её внешнюю уверенность и независимость, этот оксюморон передаёт её одиночество и внутренние противоречия. Она словно кричит, но этот крик не слышен окружающим – тихий, сокровенный, отражающий скрытые эмоции.

Словосочетание *une vie mortelle* (смертельная жизнь) описывает образ жизни Кармен как цыганки, где свобода неразрывно связана с опасностью. Она живет на грани, и её существование наполнено риском – это жизнь, одновременно яркая и смертельно опасная. Этот оксюморон усиливает трагизм её судьбы и подчёркивает неизбежность опасностей, сопутствующих её свободному духу.

В новелле Проспера Мериме широко используются сравнительные конструкции, которые помогают ярко передать эмоции и характеристики персонажей, а также подчеркнуть социальные и психологические контрасты.

Страсть Дона Хосе к Кармен раскрывается через метафорические сравнения с природными явлениями: *Son amour pour elle avait été comme une tempête qui détruisait tout sur son passage* [10, с. 100] (его любовь к ней была как шторм, который разрушает всё на своём пути) [7, с. 96]. Данный пример показывает всю силу неумолимой, разрушительной силы его чувств, подчёркивая то, что его любовь несёт не только радость, но и хаос, разрушая устоявшийся порядок его жизни и приводя к внутреннему конфликту.

На фоне личной трагедии в судьбах героев Мериме использует сравнительные образы для создания яркого социального контраста. Цыгане, включая Кармен, описываются как *comme le vent libre et imprévisible* (как свободный и непредсказуемый ветер) [10, с. 34], в противоположность *bourgeois emprisonnés dans une cage* (буржуа, заточенным в клетке) [7, с. 32]. Это сравнение акцентирует их противоположные жизненные позиции – свободолюбие и динамичность цыган против ограниченности и условностей

буржуазного общества. Сравнение с ветром усиливает образ Кармен и её народа как стихийных, неукротимых и непредсказуемых.

Повествователь прибегает к экспрессивному синтаксису, синтаксическому противопоставлению, которое служит важным приёмом для подчёркивания контрастов между персонажами, их эмоциями и социальными статусами.

Так, например, через противопоставление страсти Дона Хосе и холодности Кармен проявляются глубокие различия в их восприятии любви и жизни. Дон Хосе готов на всё ради любви, полон надежд и страсти, в то время как Кармен стремится сохранить свободу и независимость, не желая подчиняться ни одному мужчине. Реализуется этот приём часто через структуру предложений, где одни части указывают на обязательства и страдания, а другие – на лёгкость и непривязанность. Например, Мериме пишет: *Pour certains l'amour est un devoir, pour d'autres un jeu* (для одних любовь – это долг, для других – игра). Эта простая, но ёмкая синтаксическая конструкция с параллелизмом подчёркивает разницу в отношении к чувствам и жизненным ценностям у разных персонажей и социальных групп.

Этот же приём позволяет ярче выразить внутренний мир Дона Хосе, противопоставляя его мечты и жестокую реальность: *Il rêvait de bonheur avec Carmen mais la réalité était cruelle* [10, с. 113] (он мечтал о счастье с Кармен, но реальность была жестока) [7, с. 111]. Здесь союз *mais* (но) резко разделяет два противоположных состояния – надежду и разочарование, усиливая трагизм его положения.

Инверсия играет важную роль в усилении контрастов и выделении ключевых смыслов в тексте Мериме. В новелле Проспера Мериме инверсия используется как приём синтаксического контраста, который позволяет акцентировать внимание на важных моментах и усиливать эмоциональную напряжённость. Например, когда Дон Хосе осознаёт силу своей страсти к Кармен, он говорит: *Mais j'aimai et tu me captiva* [10, с. 89] (но я любил тебя, а

ты меня пленила) [7, с. 87]. Здесь необычный порядок слов подчёркивает причину его чувств – именно Кармен стала центром его страсти, что создаёт акцент на её влиянии и усиливает драматизм.

Инверсия часто встречается и в описаниях природы или окружающего мира, что придаёт тексту поэтичность и выразительность. Так, в описании вечера Мериме пишет: *Le soir quand le soleil se couchait la beauté du ciel frappait* [10, с. 79] (вечером, когда солнце садится, красота неба поражает) [7, с. 77]. Такой порядок слов создаёт эффект плавности и мелодичности, подчёркивая впечатление и настроение момента.

Особенно выразительна инверсия в предложениях, отражающих социальные и идеологические контрасты. Например: *Pas la richesse faisait le bonheur mais la liberté* [10, с. 57] (не богатство делает счастье, а свобода) [7, с. 54]. Благодаря инверсии основная мысль – противопоставление богатства и свободы – становится более чёткой и запоминающейся, что подчёркивает важнейший мотив произведения.

В новелле «Кармен» Проспера Мериме антитеза играет ключевую роль в создании контрастов между персонажами и раскрытии их внутреннего мира. Слова Дона Хосе *Je t'aime mais je ne peux pas le retenir* (я люблю тебя, но я не могу тебя удержать) выражают его глубокий внутренний конфликт – между сильной любовью и бессилием сохранить Кармен рядом с собой. В ответ Кармен противопоставляет ему свою позицию: *Je n'aime que moi-même et ma liberté* (я люблю лишь себя и свою свободу), что ярко иллюстрирует её стремление к независимости и отказ от привязанностей.

Её отношение к жизни и смерти дополнительно подчёркивает цитата: *La mort n'était qu'une libération des chaînes de la vie* [10, с. 122] (смерть – это лишь освобождение от цепей жизни) [7, с. 121]. Эта мысль демонстрирует, насколько Кармен ценит свободу даже выше жизни, готова принять смерть ради сохранения независимости.

В свою очередь, Дон Хосе, одержимый любовью и страхом потерять Кармен, становится всё более готовым на жертвы, чтобы её спасти. Этот контраст между страстью и свободой, жадной жизни и готовностью умереть подчёркивает трагическую природу их отношений и усиливает драматизм новеллы.

Таким образом, в новелле «Кармен» Проспера Мериме используются разнообразные приёмы контраста, которые помогают ярче раскрыть основные темы – любовь, свободу и разрушительные последствия страсти. Контраст особенно заметен в изображении главных героев: Дон Хосе предстает традиционным, преданным и страдающим персонажем, тогда как Кармен – свободолюбивой, независимой женщиной. Их противопоставление подчёркивает разные восприятия любви и свободы: Дон Хосе стремится к контролю и обладанию, тогда как Кармен ценит, прежде всего, личную независимость.

Заключение

Итак, проведённое исследование показало, что автор использует различные стилистические приёмы, но в данной новелле предпочтение отдаёт контрасту на всех уровнях: семантические, фонетические, морфологические, лексические и синтаксические.

Таким образом, сочетание выявленных противопоставлений создаёт глубокий контраст между героями и их внутренними конфликтами, обогащая художественный текст и углубляя его основную тематику.

Список литературы:

1. Аврасин В. М. Контраст в тексте: сущность и основы типологии // Лингвистический научный обозреватель. 2017. № 6. С. 63–69.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 576 с.

3. Ганеев Б. Т. Противоречия в языке и речи. Уфа: Башкир. гос. ун-т., 2004. 689 с.
4. Москвин В. П. Тропы и фигуры: параметры общей и частных классификаций // Филологические науки. М., 2002, № 4. С. 75–85.
5. Одинцов В. В. Стилистика текста. М., Наука, 1980. 262 с.
6. Позняк Л. П. Тексторганизующая роль контраста и аналогии в произведениях англоязычных авторов: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: Иркутск: 2002. 23 с.
7. Проспер Мериме. Кармен / Перевод с французского М. Кузьмина. М.: Издательство Мир книги, 2010. 134 с.
8. Торосян М. С. Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста: на материале языка послевоенной прозы: Дис. ... канд. филол. наук: Ставрополь: 2005. 184 с.
9. Цветкова А. Н. Контраст как основа словесного портрета персонажа (на материале английской народной сказки) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. II междунар. науч.-практ. конф. № 2. Новосибирск: СибАК, 2011. С. 50–58.
10. Mérimée Prosper. Carmen. Санкт-Петербург: КАРО. 2017. 158 с.

References:

1. Avrasin V. M. Kontrast v tekste: sushhnost` i osnovy` tipologii // Lingvisticheskij nauchny`j obozrevatel`. 2017. № 6. S. 63–69.
2. Axmanova O. S. Slovar` lingvisticheskix terminov. M.: URSS, 2004. 576 s.
3. Ganeev B. T. Protivorechiya v yazy`ke i rechi. Ufa: Bashkir. gos. un-t., 2004. 689 s.
4. Moskvina V. P. Tropy` i figury`: parametry` obshhej i chastny`x klassifikacij // Filologicheskie nauki. M., 2002, № 4. S. 75–85.
5. Odinczov V. V. Stilistika teksta. M., Nauka, 1980. 262 s.

6. Poznyak L. P. Tekstoorganizuyushhaya rol` kontrasta i analogii v proizvedeniyax angloyazy`chny`x avtorov: Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: Irkutsk: 2002. 23 s.

7. Prosper Merime. Karmen / Perevod s francuzskogo M. Kuz`mina. M.: Izdatel`stvo Mir knigi, 2010. 134 s.

8. Torosyan M. S. Fenomen kontrasta v aspekte konceptual`noj organizacii xudozhestvennogo teksta: na materiale yazy`ka poslevoennoj prozy`: Dis. ... kand. filol. nauk: Stavropol`: 2005. 184 s.

9. Czvetkova A. N. Kontrast kak osnova slovesnogo portreta personazha (na materiale anglijskoj narodnoj skazki) // V mire nauki i iskusstva: voprosy` filologii, iskusstvovedeniya i kul`turologii: sb. st. po mater. II mezhdunar. nauch.-prakt. konf. № 2. Novosibirsk: SibAK, 2011. S. 50–58.

10. Mérimée Prosper. Carmen. Sankt-Peterburg: KARO. 2017. 158 c.

Информация об авторах:

Е. В. Кузнецова – кандидат педагогических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

А. А. Джардемова – магистрант, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the authors:

E. V. Kuznetsova – Ph.D. (Pedagogics), Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

A. A. Dzhardemova – Master's student, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025; одобрена после рецензирования 17.06.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was published 25.05.2025; approved after reviewing 17.06.2025; accepted for publication 10.09.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81-24, 81-26

Светлана Владимировна Марковская

МБОУ «СОШ № 6», Мытищи, Россия

Nechay2006@yandex.ru

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ НЕПРОЗРАЧНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается расхождение между написанием и произношением слов английского языка в контексте общих фонетических процессов, повлиявших на становление языков Евразии (сужение гласных, их редукция, палатализация заднеязычных согласных, образование аффрикат). Одной из причин этих процессов стало тесное взаимодействие носителей типологически разных языков, с открытым и закрытым слогом, вызванное миграциями племён. В частности, рассматривается происхождение диграфов английского языка. Выдвигается гипотеза о двойном их происхождении: в ряде случаев между двумя согласными имелся выпавший затем гласный, в других случаях диграф служил субституции звука, для которого в латинском алфавите не было буквы. Делается вывод об изначальном неполном несоответствии латинского алфавита, привитого к германским и кельтским языкам, звуковому их многообразию.

Ключевые слова: орфографическая непрозрачность, роль диграфов, образование аффрикат, фонология английского языка, открытый и закрытый слог

Для цитирования: Марковская С. В. Орфографическая непрозрачность английского языка // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 3 (11). С. 72–86.

**GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

UDC 81-24, 81-26

Svetlana V. Markovskaya

MBOU Secondary School No. 6, Mytishchi, Russia

Nechay2006@yandex.ru

SPELLING OCCLUSION OF ENGLISH

Abstract. The article examines the discrepancy between the spelling and pronunciation of English words in the context of general phonetic processes that influenced the formation of the languages of Eurasia (narrowing of vowels, their reduction, palatalization of velar consonants, formation of affricates, etc.). One of the reasons for these processes was the close interaction of speakers of typologically different languages, with open and closed syllables, caused by migrations of tribes. In particular, the origin of digraphs of the English language is considered. The conclusion is made about the original incomplete discrepancy between the Latin alphabet, grafted onto the Germanic and Celtic languages, and their sound diversity.

Keywords: orthographic opacity, role of digraphs, formation of affricates, phonology of English, open and closed syllable

For citation: Markovskaya S. V. Spelling occlusion of english // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 3 (11): 72–86. (In Russ.).

Введение

Письменный язык гораздо консервативнее, чем устный. Как свет далёких звёзд, начертание слов доносит до нас то их звучание, которое можно было услышать сотни, а может, и тысячи лет назад. Орфографическая непрозрачность – это расхождение между тем, как пишутся слова и тем, как они читаются. Яркий пример такого расхождения показывает английский язык.

Английский – один из языков Евразии, поэтому изменения, которые произошли с ним, в той или иной степени свойственны всем евразийским языкам. Иначе говоря, на примере английского можно анализировать общие тенденции в исторической фонетике, а следовательно, в какой-то мере реконструировать облик слов гипотетического языка наших предков [2, с. 7]. Перечислим эти фонетические явления.

1. Мутации, связанные с гласными

1.1. Безударная гласная «е» на конце слова не читается (как, например, в словах *nate, ice, take*). Можно наблюдать, что при этом ударный гласный переходит в дифтонг, а слог из открытого становится закрытым. Вообще, алфавитное наименование английских букв гласных соответствует тому звучанию, которое они получают в открытом ударном слоге: «а» читается как /эi/, «о» как /ou/, «е» как долгий /i/, «i» как /ai/ [4, с. 15]. Разве это не удивительно? Английский язык опирается на латинский алфавит, а в латинском такого явления не было. Следовательно, различия в чтении гласных в открытом и закрытом слоге обусловлены влиянием некоего другого языка, которому, в частности, не был свойствен открытый слог. Редукция безударных гласных была вызвана необходимостью формирования закрытого слога типа CVC вместо открытого CV [3, с. 17].

1.2. Сужение гласных

В английском языке слова могут оканчиваться только на гласный /e/ или на согласный. В староанглийском, кельтском, латинском языках слова оканчивались и на другие гласные. Видимо, какие-то мутации коснулись

гласных. В открытом слоге гласная «е» читается как долгое /i/ (see), гласная «а» в закрытом слоге читается как /э/ (rat). То есть происходит сужение гласных [5, с. 42]. На то, что это именно историческая мутация, указывает сопоставление с лексикой других языков. Так, молдавскому *nam* (кровать) соответствует английское *bed*, молдавскому *day* (даю) – английское *give* с тем же значением. Есть примеры чередования гласных и в самом английском: *gold* – *gild* (золото – золотить), *gilt* (золочёный), *wood* (лес) – *weed* (сорная трава), *food* (пища) – *feed* (кормить), *man* (человек, мужчина) – *men* (мужчины) [6, с. 12].

В английском можно отметить и противоположную тенденцию, которую можно соотнести с московским «аканьем». Так, /u/ в закрытом слоге читается как /a/ (*cut*, глагол резать) при родственном слове *куцит* (нож, молд.). В открытом слоге этот же звук претерпевает лабиализацию по типу уральских языков (*tube*).

Гласный /i/ читается в открытом слоге как дифтонг /ai/, однако мутация эта коснулась не всей лексики (пример – глагол *give*). В греческом и латинском можно наблюдать противоположное явление: дифтонги классической поры (ae, oe, au, ou латинского языка и ai, oi, ei, ui, au, eu греческого) упрощаются и читаются как долгая гласная или сочетание гласной с /v/. То есть дифтонгизация в английском – вторичное явление, по всей вероятности, результат интерференции нескольких языков.

2. Мутации, связанные с согласными

2.1. Судьба звука /r/

Судьба этого звука в английском языке удивительна. Складывается впечатление, что его избегают произносить, насколько это возможно. Так, он не читается в сочетаниях типа *car* [ka:], *mark* [ma:k], *hour* [auэ], *nature* [neitʃэ], *fire* [faјэ] (огонь). Но даже когда /r/ произносится – это щелевой скользящий звук, а не привычный нам вибрант. В арабском языке /r/ – тоже вибрант, но не велярный, а увулярный (образуется глубже в гортани). Сино-тибетские языки звука /r/ в нашем понимании не знают, обычно его заменяют боковым

аппроксимантом /l/. Замена на звук /l/ или редукция во многих случаях успела закрепиться в письменной форме: *резать* – *лезвие*; *хиреть* – *хилый*; *обмереть* – *обомлеть*; *роялист* – *лояльный*; *прясть* – *плести*; *do* (делать, англ.) – *делать*; *star* (звезда, англ.) – *стя* (то же, молд.), *работать* – *laboro* (работать, лат.) [8, с. 39].

В свою очередь, звук /l/ легко заменяется на /n/ в результате ассимиляции: *маленький* – *маненько*, *hold* (держатъ, англ.) – *hand* (рука, англ.), *солнце* – *sun* (солнце, англ.), *toro* (гора, испан.), *мал* (берег, молд.) – *mountain* (гора, англ.); *level* (уровень, англ.) – *нивел* (то же, молд.).

2.2. Трансформации звука /h/

Аспирант /h/ в английском языке часто не произносится: *hand* (конечность) – и *end* (конец), *vehicle* – [vi:ke] (экипаж); *hour* – [aue] (час) – сравним с *орэ* (то же на молдавском); *habitant* (житель) – сравним с *обитатель*. Часто звуку /h/ в других языках соответствует звук /s/: *heart* – *сердце*, *herr* (господин, нем.) – *sir* (то же, англ.), *halm* (соломинка) – *солома*, *have* (иметь) – *save* (хранить), *hook* (крюк) – *сук*. Почему этот придыхательный звук в английском алфавите носит название эйч? Вероятно, потому, что именно сочетание «ch» изначально должно было передавать аффрикату /ч/. В французском эта же буква зовётся «аш», потому что так читается сочетание «ch» в французском (например, *charman* – очаровательный).

Иногда звук /h/ мутирует в /g/: *hero* – *герой*, *have* – *give* (дать), *hear* (груда) – *губа* (холм, диал. рус.); или даже /ц/: *heal* (лечить) – *(ис)целить*. В последнем примере слово родственно английскому *hale* (здоровый) и тюркскому *салам*. Аналогичный переход s > h можно наблюдать в языке басков, в валлийском и башкирском языках: *халдат* (солдат, башк.) – *солдат*, *хигез* (числительное восемь, башк.) – *сэкиз* (восемь, азерб.), *хум* (рубль, башк.) – *сом* (рубль, узбек.) *хыу* (вода, башк.) – *су* (вода, тур.) [10, с. 4]. По всей видимости, мена s–h также является результатом субстратного влияния.

Греческая буква η (эта) в начале слова сопровождалась придыханием. Вероятно, это и стало причиной использования данной буквы в диграфах разного рода, как в английском (th, ch, wh, gh). Возможно, именно эта буква на конце слов греческого происхождения стала читаться как «н» в русском и как короткое «и» в английском: *day* – *день*, *paу* (пирог, англ.) – *пыне* (хлеб, молд.). Складывается впечатление, что ранее границы между звуками не были так отчётливы, потому один звук легко заменялся подобным ему по месту образования.

2.3. Трансформации звука /n/

Судя по всему, звук /n/ в английском может появиться в результате мутации: *hand* (рука) – но *helv* (рукоятка), *hilt* (рукоятка), *hold* (держат), *help* (помогать). Слова эти во всех языках тяготеют к корню с значением «рука» [9, с. 4], а сочетание /nd/ гораздо проще произнести, чем /ld/, /lt/ (ассимиляция по месту образования). То же наблюдаем в русском: *остатки* – но *останки*, где /нк/ является слитным заднеязычным звуком, как английское сочетание /ng/.

С другой стороны, /n/ может оказаться рефлексом носовой гласной и появляться после гласных /o/, /u/ и дифтонгов /ou/, /au/. Так, латинскому *mundi* (мир), английскому *mountain* (гора) соответствует мордовское *мода* (земля), латинское *muto* (двигаюсь), английскому *grain* (зерно) – молдавское *грыу* (пшеница, молд.), английскому прилагательному *grand* (большой) – синонимичное ему *great* (великий).

2.4. Проблема буквы «с»

Буква эта в латинском языке в зависимости от позиции может читаться как /k/, /s/, /ts/. В языках наследниках – также и как /ч/: сравним латинское *center* – русское *центр* и молдавское *центру*. В большинстве тюркских языков буква «с» читается как аффриката /дж/, /ч/. В английском алфавите эта буква зовётся «си» и, соответственно, читается перед гласными переднего ряда. В остальных случаях – как /k/. Кроме того, в английском много слов с диграфом /ch/. Обычно диграфы используются для представления звуков, для которых в

алфавите нет отдельных букв. В случае, если слова были заимствованы в английский из греческого, диграф читается как /h/: *charta* (карта) или /k/ как в слове *stomach* (желудок). В остальных случаях – как аффриката /tʃ/. Кельтские языки не знали аффрикат. Следовательно, аффрикаты в английском языке появились не под влиянием кельтского. В русском языке у звука /ч/ нет звонкой пары /дж/, а сам звук /ч/ появляется в результате палатализации из /к/ или /т/. В русском языке также можно отследить мену т–к, т–с, т–ш [10, с. 5]. Похоже, что аффрикаты в английском языке имеют такую же сложную судьбу. Сравним молдавское *фармек* (очарование) – пришедшее из французского *шарм* – и английское *charm* (tʃɑ:m). Очевидно, что мы имеем дело с мутациями одной и той же словоформы (f–ʃ–tʃ). Слово это родственно английскому *fairy* (фея), которое, в свою очередь, связано с *forest* (лес, англ.). Русский родственник слова *fairy* – *ворожея*. Вся цепочка слов связана с понятием лес, гора.

Иногда палатализация к–ч реализуется внутри самого словообразовательного гнезда: *call* (*звать, англ.*) – *challenge* (окликать, читается как челендж). Таким образом, диграф ch является маркером палатализации. Другие примеры из английского подтверждают это: *chant* (песнь) – *кантата*; *cherry* (вишня) – *кирас* (черешня, баск.); *chill* (холодно) – *cold* (то же); *chaplain* – *капеллан*.

2.5. Проблема аффрикат

Латинский, кельтский языки не знали аффрикат, зато этими звуками богаты тюркские языки. В английском есть звуки /дж/, /ч/, но нет букв для их записи, в отличие от русского языка. Точнее, есть несколько способов передать эти звуки на письме. Аффриката /ч/ записывается в английском как «ch», «tch», иногда так читается целая морфема «-ture» [12, с. 32]. Примеры: *catch* (ловить), *choose* (выбрать), *nature* (природа).

В английском алфавите есть буквы «g» (джи) и «j» (джей). Обе также могут обозначать аффрикату /дж/. Как и в случае с буквой «c», «g» в разных позициях обозначает разные звуки. В русском известно чередование г–ж:

гореть – жарить, рог – рожки. Видимо, то же самое явление наблюдаем в английском, где «g» палатализуется до /дж/ перед гласными переднего ряда. Но в русском языке /ж/ может также получиться мутацией из /д/: родить – рожать. Таким образом, генетически сближаются согласные «г» и «д». С другой стороны, в английском /ж/ часто оказывается на месте гласной «и» или йота: юный – *junior*, Иаков – Джек, Япония – *Japan*. Возможно, родственником греческого корня *iotaí* в значении жизнь, земля, двигаться (откуда название племени ионийцы) является английское *join* (соединять, союз). Английский и тюркские языки «закрывают» начальную гласную или выпавший сонорный звук (например, /г/) звуком дж, русский – йотом. Учёт этого явления позволяет увидеть общее происхождение таких слов, как *judge* (судья, англ.) – *раджа* (правитель, инд.) – *судья*. А значит, английская буква джей (j) читалась когда-то как йот, и лишь позже – как дж.

Обратим внимание, что английское «g» пишется так же, как русское строчное «д». Считается, что английская буква происходит от латинской буквы гамма, а русская – от греческой дельты. Но, возможно, изначально это был один и тот же звук /д/. По крайней мере, можно указать на случаи мены д-г: *geminata* – демисезонный, в обоих случаях первая часть слова означает числительное «два». В устном молдавском эта мена часто встречается: одеяло – оял (то же), Федя – Фега.

Непрозрачность орфографии проявляется в том, что «g» читается как /г/ или как /дж/ часто не по правилам. Так, перед гласными переднего ряда должно звучать /дж/ – но не в глаголах *give*, *get*. Очевидно, это старые глаголы, на которые мутация не распространилась [11, с. 51].

2.6. Мутации парных согласных

Современному английскому не свойственно оглушение или озвончение парных согласных, как, например, в русском. Но ранее этот процесс шёл, в чём можно убедиться, сравнив формы *hat* (шляпа) и – *head* (голова), *head* и *giddiness* (головокружение), *girl* (девочка, англ.) – *кирка* (то же, болг.).

2.7. Сочетания gh, gu, gn

В диграфе gh не читается «h» как, например, в санскрите при тех же условиях (бхакта, дхарма). Возможно, сочетание когда-то обозначало заимствованный вместе со словом звонкий согласный: *ghetto* (гетто), *ghoust* (привидение, дух). Сочетание gh может не читаться вообще: *sight* (зрение) [sait].

В диграфе gu не читается гласная: *guard* (осторожность, охрана), *guess* (гадать), *guild* (гильдия). Возможно, в корне был раньше полугласный /w/, который в русском превратился в /в/: *гвардия*, *кворум*, *гвалт* – но *галдеть*, *хвоя* – но *колок* (лес, морд.), *хватит* – но *хат* (граница, предел, молд.), *хватать* – но *кедь* (рука, коми).

В диграфе gn, наоборот, не читается «g». Между тем, это часть корня, которую нельзя отбрасывать: *gnat* (комар) – сравним с *гну́с*, *гна́в* (грызть, разъедать, мучить) – сравним с *гну́ть*, *угне́тать*, *огонь*. Получается, между согласными gn некогда была гласная, которая перестала произноситься. Но упрощение и ассимиляция звуков может идти ещё дальше, сравним английское *sign* (знак) – и молдавское *семн* (знак). Складывается впечатление, что, по крайней мере, для части лексики, согласные заднеязычного ряда (g, k, h) являются в английском языке производными.

2.8. Сочетание kn

Звук /k/ в нём не читается. Таких слов в английском словаре много. Есть все основания предполагать, что /gn/ и /kn/ – глухая и звонкая вариация одной и той же морфемы. Например, греческому *gnosis* (знание) и английскому *know* (знать) соответствует молдавское *куноск* (узнавать). Английское *knee* (колени) связано с латинским *geni*, греческим *gomfos* с тем же значением, с русским глаголом *гну́ть*, *сги́бать*. Т. е. гласная в слоге была. Такие слова, как *knog* (сук), *knock* (ударить), *knoll* (холмик) указывают на то, что корень этот – старый формант, а, значит, должен был означать, в том числе, лес, воду, огонь, конечность. И корень этот не чужд русскому языку. Например, английское *knout*, где первый звук не читается, на русском читается буквально: *кнут*.

Возможно, к этому же корню следует отнести слова *куница*, *canis* (собака, лат.), *гиена*.

2.9. Сочетания *sc*, *sk*

Перед гласными переднего ряда второй согласный не читается, произносится [sai]. Мы полагаем, что здесь произошла мена t–s. Например, слову *science* (наука) в молдавском соответствует *штиинцэ* от глагола *штиу* (знаю). Но слог, стянутый в *sc*, безусловно, содержал гласную. Так, в слове *scion* (потомок, побег, черенок) узнаваемо русское *сук*, дальнейшее родство: *стерня*, *сыть* (трава), *степь*.

В отличие от *sc*, в сочетании *sk* оба звука читаются: *sky* (небо), *ski* (лыжи). В древнеанглийском *sky* писалось как *sci*, т. е. эти буквы были взаимозаменяемы. Логично предположить, что ранее между согласными была гласная.

2.10. Произношение букв *v*, *w*, *f*

В греческом языке не было звука /v/, лишь в новогреческом буква «*v*» стала читаться как /v/. При этом /b/ легко оглушалось до /p/, /f/. Вот откуда разнообразие вариантов лексем с одним и тем же формантом: *баня* – *ванна*, *вина* – *пеня*, *вонь* – *обоняние*. С другой стороны, /b/ легко заменяло сходный по месту образования звук /m/: *мал* (скот, тюрк.) – *вол*; *вал* – *мал* (берег, холм, молд.), *ветер* – *метель*. Эти процессы не могли не отразиться на английской орфографии: *vault* (свод, англ.) – *болтэ* (то же, молд), *war* (война, англ.) – *борьба*. Начальное «*v*» в английском языке может исчезать в других языках: *varor* (пар, англ.) – *абурь* (то же, молд.). Оно также может оглушаться: *wool* (шерсть, англ.) – *fur* (мех, англ.), *veneer* (фанера, англ.) – *фанера*.

Звуки /v/ и /w/ взаимозаменяемы: *wage* (вести, англ.) – *вагон*, *вожжи*, *вожатый*, *wade* (переход вброд) – *вода*, *wall* (стена, англ.) – *вал*, *weld* (лес, англ.) – *верде* (зелёный, молд.), *water* (вода, англ.) – *вода*, *warm* (горячий) – *варить*, *wet* (сырой) – *вода*, *wine* – *вино*, *wind* – *ветер*.

2.11. Диграф wh

Вероятно, был призван передать некий промежуточный звук, для которого не было буквы в английском. Вторая буква в нём не читается: *what* (что), *when* (когда), *where* (где), *wheel* (колесо), *wolf* (волк) – но *whelp* (щенок), *wherry* (лодка), видимо, от *vara* (вода, санскрит).

Но не всегда в этом сочетании не читается второй элемент. Например, в словах *whom* (кого), *whose* (чей), *whole* (весь) не читается, наоборот, /w/.

2.12. Диграф wr

Не читается первый звук. Есть подозрение, что между звуками wr была гласная, и этот слог образовывал формант war* с широким спектром значений. Так, *were* на немецком означает мужчина, *wright* на английском – мастер, *write* – писать, *work* – работать. Эти слова обычно связаны с понятием «рука». Сравним с диалектным русским глаголом *сварганить*, азербайджанским *вар* (иметь), албанским *marr* (брат) [9, с. 3].

2.13. Диграф th

В греческом языке звуки th, dh обозначались особыми буквами. В латинском и славянских языках эти звуки исчезают, в английском сохраняются, но обозначаются – как и прочие звуки, для которых не нашлось букв – диграфом, содержащим «h». В других языках при заимствованиях из греческого звук читается как /d/, /t/ или /f/: *thermos* – термос.

Английский язык не имеет буквы для звука «ц», который есть в латинском и русском (*рука* – *руце*), и в финно-угорских языках. Эта же особенность отличает тюркские языки. Получается, по многим признакам английский ближе к тюркским, чем к латинскому, от которого, как считается, он произошёл.

В морфологическом плане английский тяготеет к изолирующим языкам типа китайского. Ни имена, ни глаголы в нём практически не изменяются, слова приставляются друг к другу, как кубики, приобретая определённые

свойства в зависимости от контекста. Аффиксация в английском встречается гораздо реже, чем, например, в русском.

Заключение

Если предположить, что в древности существовали языки двух типов: со слогом CV («банановые») и CVC, при этом с большими отличиями в артикуляции согласных звуков, то их интерференция и эволюция легко могла породить тот пучок EA языков, которые распространены сегодня, в том числе английский. С одной стороны, английский стремится придать слогам вид CVC. С другой стороны, избегает стечения согласных, но приветствует стечение гласных (дифтонгизация) [2, с. 14].

Латинский алфавит, привитый к германским языкам, не мог передать адекватно их звучание. Поэтому с самого начала зазор между звуком и обозначающей его буквой, был достаточно велик, почему и потребовалось введение диграфов. В дальнейшем живая речь всё дальше и дальше удалялась от навязанной ей орфографии, и, главным фактором, здесь было взаимодействие языков разных типов: один из них требовал полногласия, певучести и избегал стечения согласных в слоге, другой, наоборот, опирался на модель закрытого слога, при этом безударные гласные улетучивались. В этой тенденции есть что-то близкое фонетике арабского языка, где каркасом слова является слог из трёх согласных, а гласные при этом служат модификаторами смысла. Впрочем, арабский язык сам занимает уникальную позицию, находясь на грани между флективными и агглютинативными языками. Так или иначе, английский язык – один из самых непрозрачных в плане этимологии и орфографии, что является результатом его сложного исторического развития.

Список литературы:

1. Англо-русский словарь / Сост.: В. Д. Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина. Издание четвертое, исправленное и дополненное. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962. 988 с.

2. Зеленецкий А. А. Сравнительная типология основных европейских языков. М.: Академия, 2004. 247 с.
3. Иванова Н. К. Фонетические алфавиты и транскрипция. Исторический очерк на материале XVI–XX веков. Иваново: издательство Ивановского гос. хим.-технол. ун-та, 2000. 197 с.
4. Иванова Н. К., Кузьмина Р. В. Графемно-фонемные соответствия в английском языке: опыт систематизации и критического анализа // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2015. Вып.11. С. 65–73.
5. Качалова К. Н., Израилевич Е. Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами: Санкт-Петербург: КАРО, 2018. 320 с.
6. Козлова Л. А. Сравнительная типология английского и русского языков. Барнаул: ФГБОУ ВО «АлтГПУ» 2019. 192 с.
7. Новый латинско-русский и русско-латинский словарь. М.: Дом славянской книги, 2021. 928 с.
8. Марковская С. В. История формантов с значением «рука» // Язык и культура, 2024. № 59–60. С. 6–12.
9. Марковская С. В. Почему мы не говорим, как пишем // Вестник Института образования человека. 2022. № 2. С. 3–8.
10. Марковская С. В. Формулы языковых мутаций: М.: Литресс, 2023. 180 с.
11. Плоткин В. Я. Строй английского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1989. 441 с.
12. Фунтова И. Л. Сравнительно-сопоставительный анализ произношения гласных и согласных звуков и мест словесных ударений в английском и русском языках : дисс. канд. филол. наук. М.: 2005. 220 с.

References:

1. Anglo-russkij slovar` / Sost.: V. D. Arakin, Z. S. Vy`godskaya, N. N. Il`ina. Izdanie chetvertoe, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo inostranny`x i nacional`ny`x slovarej, 1962. 988 s.
2. Zelenczkij A. A. Sravnitel`naya tipologiya osnovny`x evropejskix yazy`kov. M.: Akademiya, 2004. 247 s.
3. Ivanova N. K. Foneticheskie alfavitny` i transkripciya. Istoricheskij ocherk na materiale XVI–XX vekov. Ivanovo: izdatel`stvo Ivanovskogo gos. xim.-texnol. un-ta, 2000. 197 s.
4. Ivanova N. K., Kuz`mina R. V. Grafemno-fonemny`e sootvetstviya v anglijskom yazy`ke: opy`t sistematizacii i kriticheskogo analiza // Teoriya i praktika inostrannogo yazy`ka v vy`sshej shkole. 2015. Vy`p.11. C. 65–73.
5. Kachalova K. N., Izrailevich E. E. Prakticheskaya grammatika anglijskogo yazy`ka s uprazhneniyami i klyuchami: Sankt-Peterburg: KARO, 2018. 320 s.
6. Kozlova L. A. Sravnitel`naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazy`kov. Barnaul: FGBOU VO «AltGPU» 2019. 192 s.
7. Novy`j latinsko-russkij i russko-latinskij slovar`. M.: Dom slavyanskoj knigi, 2021. 928 s.
8. Markovskaya S. V. Istoriya formantov s znacheniem «ruka» // Yazy`k i kul`tura, 2024. № 59–60. S. 6–12.
9. Markovskaya S. V. Pochemu my` ne govorim, kak pishem // Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka. 2022. № 2. S. 3–8.
10. Markovskaya S. V. Formuly` yazy`kovy`x mutacij: M.: Litress, 2023. 180 s.
11. Plotkin V. Ya. Stroj anglijskogo yazy`ka: uchebnoe posobie. M.: Vy`sshaya shkola, 1989. 441 s.
12. Funtova I. L. Sravnitel`no-sopostavitel`ny`j analiz proiznosheniya glasny`x i soglasny`x zvukov i mest slovesny`x udarenij v anglijskom i russkom yazy`kax : diss. kand. filol. nauk. M.: 2005. 220 s.

Информация об авторе:

С. В. Марковская – учитель высшей квалификационной категории МБОУ СОШ № 6 г. Мытищи

Information about the author:

S. V. Markovskaya – the teacher of higher education qualification category, MBEE Secondary School No. 6, Mytishchi

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was published 24.08.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 10.09.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81.33

Галина Владимировна Файзиева

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,

Россия

fayzievagv@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА ТУРОК-МЕСХЕТИНЦЕВ РОССИИ

Аннотация. Цель статьи – привлечь внимание к проблеме изучения одного из языков малых народов России – турецко-месхетинскому языку. Статья посвящена анализу лексикографического описания лексических единиц турецко-месхетинского языка, представленного в «Кратком турецко-месхетинско-русском словаре» В. И. Рассадина (2011) – единственном лексикографическом источнике, фиксирующем язык турок-месхетинцев России. Анализируется макро- и микроструктурная организации словарной статьи, представляются их компоненты, приведённые в Словаре, выявляются проблемы и лакуны в их презентации. Намечаются перспективы лексикографирования турецко-месхетинских лексических единиц, обозначаются вехи дальнейших исследований.

Ключевые слова: турки-месхетинцы, этнос, турецко-месхетинский язык, лексикография, лексикографирование, заимствования, помета, словарная статья, эквивалент

Для цитирования: Файзиева Г. В. Актуальные проблемы лексикографического описания языка турок-месхетинцев России // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 3 (11). С. 87–98.

**GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

UDC 81.33

**ACTUAL PROBLEMS OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF THE
LANGUAGE OF THE MESKHETIAN TURKS OF RUSSIA**

Galina V. Fayzieva

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

fayzievagv@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to draw attention to the problem of studying one of the languages of the small peoples of Russia – the Turkish–Meskhetian language. The article is devoted to the analysis of the lexicographic description of the lexical units of the Turkish-Meskhetian language, presented in the «Short Turkish-Meskhetian-Russian Dictionary» by V. I. Rassadin (2011), the only lexicographic source documenting the language of the Meskhetian Turks of Russia. The macro- and microstructural organization of a dictionary entry is analyzed, its components listed in the Dictionary are presented, problems and gaps in its presentation are identified. The prospects of lexicography of Turkish-Meskhetian lexical units are outlined, and milestones for further research are outlined.

Keywords: Meskhetian Turks, ethnos, Turkish-Meskhetian language, lexicography, borrowings, litter, dictionary entry, equivalent

For citation: Fayzieva G. V. Actual Problems of Lexicographic Description of the Language of the Meskhetian Turks of Russia // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 3 (11): 87–98. (In Russ.).

Введение

Современный этап развития лексикографии – науки о словарях – характеризуется стремительно возрастающим объёмом словарей различных типов и жанров, глоссариев, тематических справочников и иных словарно-справочных источников, являющихся не только средством накопления, классификации и систематизации того или иного языка, но и источником фиксации языковой картины мира и отражения окружающей действительности. Тем не менее, многие проблемы лексикографического описания, имеющие место в словарях предыдущих исторических этапов развития языка, а также проблемы лексикографирования структуры значения слова, несмотря на многочисленные исследования в данной области знания (Е. В. Бельская, Н. А. Лукьянова, В. П. Москвин, Л. Г. Смирнова, Т. А. Трипольская), остаются до сих пор нерешёнными.

Так, одной из важнейших проблем является проблема обновления данных – словарное дело не успевает за стремительным развитием языка, в словарях не фиксируется весь объём новых слов, вошедших в язык в связи с экономическими, политическими и социальными трансформациями, не всегда отражаются связанные с этим изменения значения лексических единиц, не всегда принимается во внимание культурный контекст словоупотребления, также влияющий на значение лексем, не обновляется словарный состав и при переходе лексики из субстандартного языкового слоя в стандартный.

Не менее важной проблемой остаётся определение значения лексических единиц в связи с их многозначностью и контекстом использования; нельзя не отметить сложности в систематизации слов по частям речи, синонимам, антонимам и другим критериям.

Достаточно значимой проблемой является и влияние на языки технологических изменений. Появление новых технологий и использование терминов, связанных с ними, требует оперативного включения в лексикон, а следовательно, и фиксации в словаре.

Остаётся актуальной и проблема создания словарей диалектов, имеющая место в связи с необходимостью учёта региональных вариантов языка и диалектов.

Каждая из этих проблем требует глубокого анализа и постоянного внимания со стороны лексикографов.

Особенно актуально решение названных проблем при изучении языков малых народов России, многие из которых находятся на грани исчезновения и нуждаются в активной поддержке и сохранении в условиях глобализации и доминирования больших языков (например, алеутский, терско-саамский, ительменский, нивхский, чукотский, карельский – языки, которые сталкиваются с угрозой исчезновения из-за малочисленности носителей и недостатка поддержки). Согласно данным «Атласа исчезающих языков мира» (ЮНЕСКО), на территории нашей страны значатся 136 языков, находящихся на грани исчезновения; на 12 языках коренных народов России могут говорить менее 100 человек, ещё на 11 языках – от 100 до 300 человек [11].

Проблема сохранения остро стоит и для языка турок-месхетинцев России.

Краткая историческая справка. Приблизительно до 1576 г. турки-месхетинцы проживали на территории современной Грузии, в Самцхе-Джавахетии, разговаривали на месхетинском диалекте грузинского языка, были христианами. Сама территория считалась пограничной областью, разделявшей сферу влияния грузинских царей и турецких султанов. В 1576 г. территории Самцхе-Джавахетии подверглись завоеванию Османов и в 1625 г. вместе с рядом территорий Ахалцихского региона вошли в Османскую империю, в которой находились вплоть до 1828 г., и оказались в ареале воздействия турецкого этноса, приняли ислам. После присоединения части Ахалцихского

пашалыка к Российской империи в 1829 г. ахалцихские турки стали проживать в этнически смешанном окружении, контактируя с курдами, грузинами, русскими, армянами и другими народами [9].

В 1944 г. турки-месхетинцы по политическим соображениям в соответствии с постановлением ГКО СССР № 6279 от 31 июля 1944 г. были принудительно выселены со своих территорий в Грузию в Узбекистан, Казахстан и Киргизию. В 1956 г. после снятия территориальных ограничений лишь незначительная часть тукок-месхетинцев вернулась в различные районы Кавказа, в основном, в Кабардино-Балкарию и на Северный Кавказ [10]. Ферганские события 1989 г. вызвали массовую эвакуацию тукок-месхетинцев из Узбекистана в Россию, Казахстан и Азербайджан [9, с. 27].

В настоящее время турки-месхетинцы проживают в Казахстане (около 90 тыс. человек), Азербайджане (43 тыс. человек), России (более 70 тыс.), Киргизии (30 тыс.), Узбекистане (10 тыс.), в Украине (10 тыс.), Турции (свыше 25 000) и США (около 15 тыс. человек) [2].

Турки-месхетинцы, проживая дисперсно среди представителей различных народов, не имея возможности практиковать родную речь в чтении и письме и не изучая родной язык в школе, закономерно начали его терять. В результате использование родного языка стало возможным для тукок-месхетинцев только внутри семьи [1, с.145].

В настоящее время турки-месхетинцы говорят на восточно-анатолийском диалекте турецкого языка, который наполнен заимствованиями из других языков (азербайджанский, грузинский, казахский, киргизский, русский и узбекский). При этом язык тукок-месхетинцев не имеет своей письменности и остаётся одним из самых малоизученных с точки зрения тюркологической науки.

Некоторая часть лексического объёма турецко-месхетинского языка зафиксирована в единственном лексикографическом источнике, автором которого является известный тюрколог В. И. Рассадин, посвятивший часть

своей жизни изучению турецко-месхетинского языка – «Кратком турецко-месхетинско-русском словаре» (далее – Словарь) [6]. Отметим, что объём Словаря составляет всего 1400 словарных статей (по утверждению автора – свыше полутора тысяч слов).

Исследовательские результаты и их интерпретация

Анализ исследуемого Словаря позволил констатировать следующее.

Макроструктурно Словарь представлен Предисловием, Основным корпусом словаря и Приложением, содержащим дополнительную справочную информацию, которая не вошла в корпус словаря, но полезна, например, для изучающих турецко-месхетинский язык. Леммы организованы строго алфавитно.

В предисловии к своему Словарю В. И. Рассадин приводит разъяснения фонетической фиксации лексикографируемого материала, поясняя свой отказ от йотированных букв и использование сочетаний йа и йэ вместо я, йо вместо ё, йе вместо е, йу и йү вместо ю, ж вместо дж, поскольку считает, что это позволяет точнее отразить произношение слов.

Автор подробно объясняет причину приведения в Словаре богатого иллюстративного материала, который «позволяет точнее определить как значения слов, так и их способность морфологически изменяться, образовывать различные словосочетания и синтаксические формы» [6, с. 2].

Большим недостатком Предисловия является отсутствие в нём объяснения сокращений и используемых символов (а таких в Словаре немало – ср., =, обл., ♦ и др.), что во многом могло бы облегчить работу со словарём.

Рассмотрим подробнее микроструктурную организацию Словаря – внутреннее устройство отдельной словарной статьи, её структуру и состав информации, которая подаётся автором о каждой конкретной лемме.

Классический подход к микроструктурной организации словарной статьи подразумевает, что автор представляет грамматический и фонетический комментарии к слову, выделяет и классифицирует его значения, приводит

словарные определения, учреждает систему помет, типы языковых иллюстраций, приводит дополнительную информацию, например, этимологическую справку [4].

По утверждению П. Н. Денисова, структура словарной статьи должна строиться с учётом основных принципов лексикографического описания: относительности и ориентированности на адресата, стандартности, экономности, простоты, полноты, эффективности, семантической ступенчатости описания [3, с. 37].

Характерно, что, несмотря на окончание инфинитивной формы глагола на -мах, в Словаре оно заменено знаком = (без дополнительных пояснений), например: агла= «плакать», вместо агламах; вур= «бить, ударять» вместо вурмах; рахатлан= «отдыхать» вместо рахатланмах; толаш= «крутить, закручивать» вместо толашмах.

При оформлении заголовочного слова не указывается знак ударения, возможно, это связано с тем, что в турецко-месхетинском языке отсутствуют омографы (слова, разные по произношению, но одинаково изображающиеся на письме), так как в тюркских языках ударение всегда падает на последний слог.

Посвятив значительное время своей научной жизни изучению фонетических аспектов тюркских языков, в том числе и языка турок-месхетинцев (например, Рассадин, 2011), отражение фонетических особенностей турецко-месхетинских лексических единиц приведено В. И. Рассадиным и в Словаре. Например: ахлат «навоз», ср. эхлэт; ачух «открытый», ср. ачых; ичүр «поить, выпаивать», ср. үчүр; күли «индюк», ср. гули; хасил «обрабатывать, выделять», ср. хасыл и другие.

Несмотря на пояснение в Предисловии о том, что в Словаре «приведены основные глаголы, прилагательные, числительные, наречия и местоимения» [6, с. 2], автор не использует в словарной статье систему грамматических помет. Так, в ней отсутствует указание на часть речи (исключение составляют лексемы үч «три» с указанием числ. = числительное, эвдэ «дома» с указанием нареч. =

наречие и несколько др.).

Семантическая информация о словарной статье отражена эквивалентом леммы на русском языке, для некоторых многозначных слов приведены пронумерованные значения, например: гэмэ 1) «ход, походка, поступь», 2) «передвижение»; дере 1) «лощина, котловина, низкое место», 2) «река, речка»; йар= 1) «колоть, раскалывать», 2) «выламывать»; хазырла= 1) «приготавливать», 2) «заготавливать».

Большинство словарных статей содержит информацию, дополняющую значение той или иной лексической единицы, например: артыл «расти, увеличиваться» (о численности); гөрүнүш «вид» (внешний); тарал «съёживаться, коробиться» (о шкуре); хочор «чёлка» (у лошади); чэйл «молодой» (о скоте).

Однако, в Словаре отсутствует развернутое объяснение контекста значения многозначных слов, что, бесспорно, сужает смысловое восприятие лексической единицы, например: толаш= «крутить, закручивать» без объяснения, что этот глагол употребляется исключительно в значении «скручивать, переплестать предметы между собой» (в отличие от сыхмах «крутить, закручивать гайку/барашек крана», чяурмах «крутить, закручивать, поворачивать», дэндурмах «крутить, поворачивать – в значении возвращать назад»).

Немаловажным компонентом микроструктуры любого словаря является помета – лексикографический инструмент, указывающий на определённые характерные признаки слова или его употребления. Как правило, помета даёт дополнительную информацию о слове: его стилистической окраске, сфере употребления (функциональная помета), историческом периоде (темпоральная помета). [7; 8]. В анализируемом Словаре приведена единственная функциональная терминологическая помета, указывающая на конкретную область употребления: анат.: күрэк анат. «лопатка». Тем не менее, Словарь не содержит каких-либо стилистических и темпоральных помет, этимологических

справок.

Огромным достоинством Словаря является богатый иллюстративный материал, приведённый автором с целью лучшего понимания особенностей словоупотребления, имеющих место в словаре турок-месхетинцев.

Заключение

В целом, макро- и микроструктура «Краткого турецко-месхетинско-русского словаря» В. И. Рассадина подчинены главной цели: преодолеть лингвистический барьер, обусловленный особенностями турецко-месхетинского языка. Тем не менее, для усиления статуса Словаря и повышения точности лексикографического описания, необходима разработка более детальной и последовательной системы стилистических, темпоральных и грамматических помет, а также введение новых элементов в статьи, таких как более чёткие указания на сочетаемость слов (валентность), управление глаголов для помощи изучающим язык, выявление и исправление имеющихся в Словаре ошибок, неточностей и пробелов.

За 15 лет, прошедших с момента создания В. И. Рассадиным анализируемого Словаря, в языке турок-месхетинцев произошли значительные изменения – некоторые слова и значения постепенно вышли из употребления, благодаря заимствованиям появились новые. Бесспорно, необходима серьёзная работа по расширению объёма Словаря и наполнению словарных статей отсутствующими компонентами микроструктуры, что будет способствовать отражению в них культурных и социальных изменений, происходящих в обществе, сохранению турецко-месхетинского языка, изучению языковой картины мира турок-месхетинцев и более глубокому пониманию языка и его функционирования в обществе.

Список литературы:

1. Аккиева С. И. Этнокультурное развитие турок-месхетинцев (ахыска) в Кабардино-Балкарии 1969–2019 гг. // Culture and Civilization. 2019. Vol. 9. Is. 3A, P. 144–155.
2. Википедия. Турки-месхетинцы. URL: <https://web.archive.org/web/20080301014357/http://ru.wikipedia.org/wiki/Турки-месхетинцы> (дата обращения 25.10.2024).
3. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык. 1980. 253 с.
4. Несова Н. М. Представление словарной статьи в двуязычных словарях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 202–208.
5. Рассадин В. И. Звуковой строй языка турок-месхетинцев // Российская тюркология. 2011. № 2 (5). С. 29–40.
6. Рассадин В. И. Краткий турецко-месхетинско-русский словарь. Элиста. Изд-во Научного центра монголоведных и алтаистических исследований. 2011. 55 с.
7. Рябичкина Г. В. Типы помет в «Словаре сленга и нестандартного английского языка» Э. Партриджа (социолексикографический анализ) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 11 (67). С. 220–225.
8. Рябичкина Г. В. Систематизация помет в субстандартных словарях (социолексикографический анализ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1–2 (1). С. 116–118.
9. Симоненко В. А. Месхетинские турки: Историческая судьба и проблемы культурной адаптации : автореф. дис.... канд. истор. н. Краснодар: 2002. 35 с.
10. Усманов А. О. К вопросу о конституционно-правовой реабилитации месхетинских турок: политико-правовой аспект/ URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionno-pravovoy-reabilitatsii-meshetinskih-turok-politiko-pravovoy-aspekt> (дата обращения 25.10.2024).

11. 277 языков и диалектов. Что происходит с языками народов России? URL: <https://russkiymir.ru/publications/297964/> (дата обращения 17.07.2025).

References:

1. Akkueva S. I. E`tnokul`turnoe razvitie turok-mesxetincev (axy`ska) v Kabardino-Balkarii 1969–2019 gg. // Culture and Civilization. 2019. Vol. 9. Is. 3A, P. 144–155.

2. Vikipediya. Turki-mesxetincy. URL: <https://web.archive.org/web/20080301014357/http://ru.wikipedia.org/wiki/Turki-mesxetincy> (data obrashheniya 25.10.2024).

3. Denisov P. N. Leksika russkogo yazy`ka i principy` ee opisaniya. M.: Russkij yazy`k. 1980. 253 s.

4. Nesova N. M. Predstavlenie slovarnoj stat`i v dvuyazy`chny`x slovaryax // Vestnik Rossijskogo universiteta družhby` narodov. Seriya: Teoriya yazy`ka. Semiotika. Semantika. 2016. № 3. S. 202–208.

5. Rassadin V. I. Zvukovoj stroj yazy`ka turok-mesxetincev // Rossijskaya tyurkologiya. 2011. № 2 (5). S. 29–40.

6. Rassadin V. I. Kratkij tureczko-mesxetinsko-russkij slovar`. E`lista. Izd-vo Nauchnogo centra mongolovedny`x i altaisticheskix issledovanij. 2011. 55 s.

7. Ryabichkina G. V. Tipy` pomet v «Slovare slenga i nestandardnogo anglijskogo yazy`ka» E`. Partridzha (socioleksikograficheskij analiz) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki. 2008. № 11 (67). S. 220–225.

8. Ryabichkina G. V. Sistematizaciya pomet v substandartny`x slovaryax (socioleksikograficheskij analiz) // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2008. № 1–2 (1). S. 116–118.

9. Simonenko V. A. Mesxetinskie turki: Istoricheskaya sud`ba i problemy` kul`turnoj adaptacii : avtoref. dis... kand. istor. n. Krasnodar: 2002. 35 s.

10. Usmanov A. O. K voprosu o konstitucionno-pravovoj reabilitacii mesxetinskix turok: politiko-pravovoj aspekt/ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionno-pravovoy-reabilitatsii-mesxetinskih-turok-politiko-pravovoy-aspekt> (data obrashheniya 25.10.2024).

11. 277 yazy`kov i dialektov. Chto proisxodit s yazy`kami narodov Rossii? URL: <https://russkiymir.ru/publications/297964/> (data obrashheniya 17.07.2025).

Информация об авторе:

Г. В. Файзиева – доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the author:

G. V. Fayzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 22.08.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was published 25.07.2025; approved after reviewing 22.08.2025; accepted for publication 10.09.2025.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК [811.161.1: 811.222.1] 81'255

Элхам Парвизи Могаддам

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ПРИЁМ ОБРАТНОГО ПЕРЕВОДА КАК СРЕДСТВО АНАЛИЗА УПОТРЕБЛЕНИЙ ФИНАНСОВО-КОММЕРЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (РУССКИЙ – ПЕРСИДСКИЙ – РУССКИЙ)

Аннотация. В статье рассматривается приём обратного перевода как эффективный метод анализа употребления финансово-коммерческих терминов в языковой триаде «русский–персидский–русский». В условиях расширяющихся торгово-экономических связей между Россией и Ираном точность перевода финансовой терминологии приобретает особое значение для предотвращения юридических недоразумений и финансовых рисков. Метод обратного перевода позволяет выявлять смысловые сдвиги и терминологические несоответствия, возникающие при двустороннем переводе, что способствует повышению качества межкультурной коммуникации и юридической корректности контрактов. В работе проанализированы примеры реальных переводов финансовых документов, иллюстрирующие проблемы передачи таких терминов, как обеспечительный платёж, пеня, счёт-фактура и другие. Обратный перевод выступает не только инструментом контроля качества, но и средством обучения переводчиков и разработки отраслевых стандартов терминологии. Перспективы развития метода связаны с интеграцией нейросетевых технологий и автоматизацией контроля переводов,

что позволит улучшить качество международных финансово-коммерческих коммуникаций и укрепить российско-иранское сотрудничество.

Ключевые слова: обратный перевод, финансовая терминология, коммерческие термины, русско-персидский перевод, межкультурная коммуникация, лингвистический анализ, юридический перевод

Для цитирования: Парвизи Могаддам Э. Приём обратного перевода как средство анализа употреблений финансово-коммерческих терминов (русский–персидский–русский) // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 3 (11). С. 99–111.

COMPARATIVE STUDIES (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC [811.161.1: 811.222.1] 81'255

E. Parvizi Moghaddam

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

THE RECEPTION OF BACK TRANSLATION AS A MEANS OF ANALYSIS OF THE USE OF FINANCIAL AND COMMERCIAL TERMS (RUSSIAN – PERSIAN – RUSSIAN)

Abstract. This article examines the reception of back translation as an effective method for analyzing the use of financial and commercial terms within the Russian–Persian–Russian language triad. Amid expanding trade and economic relations between Russia and Iran, the accuracy of financial terminology translation is crucial to prevent legal misunderstandings and financial risks. The back translation method helps identify semantic shifts and terminological inconsistencies arising in bidirectional translation, thereby enhancing intercultural communication quality and

legal precision in contracts. The study analyzes real examples of financial document translations illustrating challenges in conveying terms such as security payment, penalty interest, invoice, and others. Back translation serves not only as a quality control tool but also as a means for translator training and the development of industry terminology standards. Future prospects include integrating neural network technologies and automating translation quality control, which will improve international financial-commercial communication quality and strengthen Russia-Iran cooperation.

Keywords: back translation, financial terminology, commercial terms, Russian-Persian translation, intercultural communication, linguistic analysis, legal translation

For citation: Parvizi Moghaddam E. The reception of back translation as a means of analysis of the use of financial and commercial terms (russian– persian– russian) // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 3 (11): 99–111. (In Russ.).

Введение

По мере того, как расширяются торгово-экономические связи между Россией и Ираном, становятся всё более острыми вопросы международной лингвистической коммуникации: их неправильное понимание и решение чревато утратой доверия, финансово-правовыми спорами, а также прямым материальным ущербом. С особой тревогой встречается неверный перевод терминологии, связанной с организацией и проведением финансово-экономической деятельности, что в конечном итоге подрывает основу успешного взаимопонимания деловых партнеров.

Следовательно, лингвистический анализ инструментов перевода становится не только важным научным направлением, но и практически значимым фактором развития делового сотрудничества, инвестирования и экспорта [3, с. 24].

Исследовательские результаты и их интерпретация

Одним из актуальных методов в этой области, по нашему мнению, выступает приём обратного перевода. Его использование позволяет выявить скрытые смыслы, проанализировать точность употребления терминов, особенности их понимания в русском языке на фоне персидского, отследить трансформацию значений в процессе двусторонней языковой передачи и обеспечить адекватность перевода в условиях специфики финансово-коммерческого дискурса. Статья посвящена исследованию содержания, возможностей и особенностей приёма обратного перевода, а также его применению для анализа употребления финансовых и коммерческих терминов в рамках языковой триады «русский–персидский–русский», образуемой переводческой деятельностью в паре «русский–персидский» [4, с. 12].

Теоретическая основа обратного перевода

Обратный перевод (retranslation, back-translation) – это процесс возвращения текста, ранее переведённого на другой язык, обратно на исходный язык. Данный метод широко используется в лингвистике, переводоведении и прикладных исследованиях для оценки точности передачи смысла, выявления семантических потерь и деформаций, а также для анализа интерференции между языками [2].

Сущность метода заключается в следующем: переводчик осуществляет прямой перевод (например, с русского на персидский), затем другой специалист делает обратный перевод (с персидского обратно на русский) [5, с. 63]. Сравнивая исходный и возвращённый тексты, исследователь выявляет несовпадения, смысловые и терминологические «сдвиги», способные существенно повлиять на восприятие экономической информации и профессиональную коммуникацию.

В современной переводческой практике обратный перевод часто применяется для:

- контроля качества перевода нормативных документов;

- анализа соответствия корпуса терминов с национальными реалиями;
- экспертизы контрактной лексики;
- учебных целей – подготовки специалистов по финансовому переводу [1, с. 32].

Финансово-коммерческий дискурс обладает высокой степенью стандартизации терминов, коннотативной нагрузкой и нередко уникальными элементами фирменного языка, свойственными экономической культуре той или иной страны. Это создаёт дополнительные трудности для переводчика, которому требуется не только точно передать термин, но и учитывать специфические реалии финансового права, банковских услуг и деловой среды [2, с. 78].

Особенности русско-персидского и персидско-русского переводных отношений

Русский и персидский языки представляют разные системы экономических и юридических понятий. Перевод финансовых терминов между этими языками осложняется:

1. различиями в понятийных структурах (например, термин *акция* в России и в Иране имеет различия не только в правовой трактовке, но и в экономических процедурах выпуска акций);
2. отсутствием прямых эквивалентов для ряда специфических понятий (например, «индивидуальный предприниматель», «лизинг», «счёт-фактура»);
3. культурно-историческими различиями делового этикета и корпоративной терминологии [10, с. 17].

В этой связи именно обратный перевод становится ключевым инструментом для выявления ошибок и неточностей. Например, если переводить с русского термин *расчётный счёт* на персидский, а затем обратно, можно обнаружить, что часто употребляются персидские аналоги, имеющие более узкую сферу применения, связанные с чисто банковскими операциями,

или наоборот – слишком широкие и абстрактные понятия, что приводит к терминологической неразберихе.

Практика применения обратного перевода в сфере финансово-коммерческих терминов

Приведённые ниже примеры основаны на реальной практике работы с документацией, сопровождающей российско-иранские торгово-экономические отношения в последние годы. В связи с конфиденциальным характером коммерческих контрактов и внутренних документов точные ссылки на исходные материалы, к сожалению, не могут быть предоставлены [7, с. 32].

Переводится фрагмент договора аренды складского помещения, включающий такие терминологические сочетания, как *залоговая стоимость*, *просрочка платежа*, *обеспечительный платёж*.

(1) Исходный текст (русский):

*Арендатор обязуется внести **обеспечительный платёж**, равный месячной арендной плате, который не подлежит возврату в случае просрочки платежа.*

Прямой перевод (персидский):

مسد تاجر موظف است مبالغ ضمانتى را معادل اجاره ماهانه پرداخت کند که در صورت
بازگشت نداشتن بپرداخت، قابل تاخیر د

Обратный перевод (русский):

*Арендатор должен внести **гарантийный взнос**, равный месячной аренде, который не возвращается при задержке оплаты.*

Оформление и перевод обеспечительных платежей часто вызывают трудности, так как отдельные языки по-разному трактуют такие виды гарантий.

(2) Исходный текст (русский):

*Арендатор обязан внести **обеспечительный платёж** при заключении договора.*

Прямой перевод (персидский):

ضمانتى بپرداخت قرارداد مبالغ مسد تاجر باید هنگام عقد

Обратный перевод (русский):

*Арендатор должен при подписании договора выплатить **гарантийный взнос**.*

Первоначальное терминологическое сочетание *обеспечительный платёж* передаётся теперь как *гарантийный взнос*. Такая замена способна менять юридическую трактовку обязанности арендатора. В данном случае обеспечительный платёж отличается от гарантийного взноса тем, что согласно ст. 381.1 ГК РФ, обеспечительный платёж – это денежная сумма, которая вносится одной из сторон договора и засчитывается в счёт исполнения денежного обязательства при наступлении определённых обстоятельств (например, возмещение убытков), а его излишек подлежит возврату. В то время как «гарантийный взнос» часто трактуется в деловой практике как безвозвратная выплата, обеспечивающая надлежащее исполнение обязательств, которая не засчитывается в счёт будущих платежей и не возвращается [6, с. 45].

Штрафные санкции и их терминологическое оформление – ещё одна область, где специфика языка может влиять на юридическую точность.

(3) Исходный текст (русский):

*В случае просрочки аренды начисляется **пеня** в размере 0,1 % за каждый день задержки.*

Прямой перевод (персидский):

دصرد ۰٫۱ ای به میزان در صورت دیر رک رد اجاره، به ازای هر روز تاخیر، جریمه
تعلق می‌گیرد.

Обратный перевод (русский):

*Если арендная плата задерживается, за каждый день просрочки начисляется **штраф** 0,1 %.*

Подмена термина *пеня* на *штраф* в договоре может изменить финансовые последствия для нарушителя. Если арендатор просрочит платёж на месяц, пеня в 0,1 % будет начисляться за каждый день (что в итоге составит ~3 % от суммы долга), тогда как штраф в 0,1 % будет взыскан только один раз, что

значительно уменьшит его финансовую ответственность. Это искажает смысл санкции и может сделать её несоразмерной последствиям нарушения [9, с. 21].

Различия в деловой документации, такие как «счёт-фактура» по сравнению с обычным счётом, могут привести к потере деталей при обратном переводе.

(4) Исходный текст (русский):

*Покупатель обязуется оплатить **счёт-фактуру** в течение 5 банковских дней.*

Прямой перевод (персидский):

روز به آن کی پرداخت کند را ظرف پنج خریدار موظف است صورت حساب.

Обратный перевод (русский):

*Покупатель должен оплатить **выставленный счёт** в течение пяти банковских дней.*

Называя счёт-фактуру «счётом», участники стирают грань между коммерческим и фискальным документом, что может привести к налоговым рискам и недопониманию. Счёт выставляется для оплаты, а счёт-фактура – для получения налогового вычета по НДС.

Указание валюты платежа – важный вопрос для международных договоров, и тут даже небольшое различие в терминологии может иметь значение.

(5) Исходный текст (русский):

*Все платежи осуществляются в **российской валюте**, если иное не предусмотрено соглашением.*

Прямой перевод (персидский):

در قرارداد ذکر شده مگر خلاف آن به واحد پول روسیه انجام میشود تمام پرداخت
باشد.

Обратный перевод (русский):

*Все выплаты производятся в **(российских) рублях**, если договором не предусмотрено иначе.*

Термин *российская валюта* автоматически должен уточняться именно как *российские рубли*, чего в персидском языке не выражается; возможна потеря точности соответствия объёмов понятий «российская валюта» и «рубль».

Роль и ответственность сторон по качеству продукции могут интерпретироваться по-разному, если перевод меняет исходные акценты.

(6) Исходный текст (русский):

Поставщик несёт ответственность за качество товара в течение гарантийного срока.

Прямой перевод (персидский):

«كالا استدر مدت زمان ضمانت، مسد ثول ك ي ف يت ف روشنده»

Обратный перевод (русский):

Продавец отвечает за качество продукции в период гарантии.

«Поставщик» превращается в «продавца», а «гарантийный срок» становится «периодом гарантии», что может изменить смысловые границы ответственности.

Анализ показывает, что термин *обеспечительный платёж* был заменён на *гарантийный взнос* в примерах (1) и (2), вместе с терминами произошла и частичная подмена соответствующих понятий. Формально смысл сохранился, но юридическая нагрузка понятия изменилась: «обеспечительный платеж» в российской практике может как возвратиться, так и нет, в зависимости от условий договора, а «гарантийный взнос» обычно не возвращается. Такие различия требуют дополнительного уточнения условий и юридических формулировок при межъязыковой коммуникации, иначе можно столкнуться с проблемами в юридической интерпретации договора и финансовыми рисками [8, с. 56].

«Просрочка платежа» передана как «задержка оплаты». Хотя оба выражения указывают на несвоевременное исполнение денежного обязательства, «просрочка платежа» является установленным юридическим термином, влекущим за собой конкретные гражданско-правовые последствия в

соответствии со ст. 395 ГК РФ (начисление процентов), тогда как «задержка оплаты» – более общая и бытовая формулировка, не имеющая строгого юридического определения и не всегда подразумевающая автоматическое применение санкций.

Ещё один пример – перевод термина *аккредитив*. В русском тексте это чётко определённое банковское понятие, в Иране – аналогом может быть лишь «счёт-доверенность», не всегда предполагающий ту же правовую процедуру.

Обратный перевод помогает выявлять такие расхождения, обеспечивая корректную передачу смысловых акцентов и юридических реалий, что особенно важно для практиков, работающих с международными контрактами, платежами, таможенными процедурами.

Значение обратного перевода для лингвистической экспертизы

Использование приёма обратного перевода позволяет:

1. минимизировать риски терминологических ошибок в документах, имеющих финансовые последствия;
2. развивать профессиональные компетенции переводчиков и специалистов в области межкультурной коммуникации;
3. формировать единую базу финансово-коммерческих терминов, адекватных для обеих сторон переговорного процесса;
4. выявлять лакуны, требующие создания новых терминов или двойных юридических определений.

В условиях цифровизации международной торговли и роста количества электронных документов, распространение методики обратного перевода может стать частью автоматизированных систем контроля качества переводов, интегрированных в корпоративные процессы (например, банковские платформы, внешнеторговые порталы).

Перспективы развития метода и его применимость

В будущем приём обратного перевода может расширяться за счёт интеграции нейросетевых технологий, автоматической проверки терминов,

межъязыковой работы в реальном времени. Специалисты смогут достичь более высокой точности и эффективности переводов за счёт глубокого анализа употребления терминов в различных регистрах – юридическом, бухгалтерском, трейдерском.

Можно предположить, что широкое распространение методики встречного использования русско-персидской языковой пары приведёт к формированию новых отраслевых стандартов, способствующих росту качества коммерческих отношений между Россией и Ираном. Опыт улучшения взаимопонимания путём повышения качества перевода документации, несомненно, можно перенести на отношения между Россией и другими странами.

Заключение

Таким образом, приём обратного перевода выступает не только учебным и контрольным инструментом, но и важным средством анализа употреблений финансово-коммерческих терминов в условиях русско-персидских отношений. Его применение позволяет избежать ряда серьёзных ошибок в переводе, выявить смысловые расхождения, укрепить уверенность сторон в юридической защищённости договоров и расширить возможности для обучения и совершенствования качества переводов.

Список литературы:

1. Всеволодова М. В., Али Мадаени А. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка): учебное пособие. – 4-е изд., стер. М.: Издательство Московского университета, 2021. 140 с.
2. Галиева Г. Р. Практическая фонетика немецкого языка. *Praktische Phonetik der deutschen Sprache*: учебное пособие. Уфа: БГПУ имени М. Акмуллы, 2024. 142 с.
3. Жирков Л. И. Персидский язык: Элементарная грамматика: учебное пособие. Изд. стереотип. М.: Восточная литература, 2024. 208 с.

4. Иванов В. Б. Очерк теории персидского языка. 2019. М.: Т. 1, 350 с.
5. Иванов В. Б., Абольхасани З. Основы персидского языка (первый год обучения): учебник. СПб.: Лань, 2023. 256 с.
6. Иванов В. Б., Гладкова Е. Л. Основы персидского языка (второй год обучения): учебник. СПб.: Лань, 2024. 288 с.
7. Каплина М. М. Основы теории второго иностранного языка (французский язык): учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по направлениям подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки», профиль «Иностранные языки», 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Иностранные языки и межкультурная коммуникация». Кострома: КГУ, 2024. 86 с.
8. Парвизи Могаддам Э. М. Проблема перевода русской коммерческой терминологии на персидский язык // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. С. 95–102.
9. Пригарина Н. И., Чалисова Н. Ю., Русанов М. А. Газели Хафиза: тексты, переводы, комментарии: в 2 ч. М.: Весь мир, 2024. 1048 с.
10. Рубинчик Ю. А. Лексикография персидского языка: учебное пособие. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2018. 224 с.

Информация об авторе:

Э. Парвизи Могаддам – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Information about the author:

E. Parvizi Moghaddam – graduate student, Saint Petersburg State University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.09.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 20.09.2025.

The article was published 07.09.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 20.09.2025.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81'362

Наталья Сергеевна Федотова^{1✉}, Галина Николаевна Шатохина²

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань,
Россия

¹natalyafedotova@list.ru

²galyaos@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРНО- СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ структурно-семантических особенностей безличных конструкций в английском, французском, испанском и русском языках. Авторы исследуют синтаксические и семантические различия, обусловленные морфологическими и структурными характеристиками каждого языка. Установлено, что русский и испанский языки активно используют односоставные конструкции, тогда как в английском и французском преобладают двусоставные предложения с формальным подлежащим. Исследование фактического материала и критический анализ теоретических работ отечественных лингвистов позволили заключить, что явление безличности в русском, английском, испанском и французском языках имеет ряд общих семантико-грамматических характеристик. Результаты подчёркивают доминирующую роль структурных особенностей языков в

развитии безличных конструкций, что актуально для переводоведения и межъязыковых исследований.

Ключевые слова: категория безличности, безличные конструкции, сравнительно-сопоставительный анализ, структурно-семантические особенности, формальное подлежащее, предикат, синтаксический строй языка

Для цитирования: Федотова Н. С., Шатохина Г. Н. Сравнительная характеристика структурно-семантических особенностей безличных конструкций в английском, французском, испанском и русском языках // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 3 (11). С. 112–128.

COMPARATIVE STUDIES (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81'362

Natalya S. Fedotova^{1✉}, Galina N. Shatokhina²

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

¹natalyafedotova@list.ru

²galyaos@mail.ru

A COMPARATIVE CHARACTERISTIC TO THE STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF IMPERSONAL CONSTRUCTIONS IN THE ENGLISH, FRENCH, SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. The article provides a comparative analysis of the structural and semantic peculiarities of impersonal constructions in English, French, Spanish, and Russian. The authors explore syntactic and semantic differences driven by the morphological and structural features of each language. It is established that Russian

and Spanish predominantly use one-member constructions, while English and French rely on two-member sentences with a formal subject. The study of empirical data and critical analysis of theoretical works by Russian linguists reveal that the phenomenon of impersonality in Russian, English, Spanish, and French shares a number of common semantic and grammatical features. The results highlight the dominant role of structural language-specific features in evolution of impersonal constructions, which is significant for translation studies and cross-linguistic research.

Keywords: category of impersonality, impersonal constructions, comparative-contrastive analysis, structural and semantic peculiarities, formal subject, predicate, syntactic structure of the language

For citation: Fedotova N. S., Shatokhina G. N. A comparative characteristic to the structural and semantic peculiarities of impersonal constructions in the english, french, spanish and russian languages // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 3 (11): 112–128. (In Russ.).

Введение

В данном исследовании под безличными конструкциями понимаются синтаксические конструкции, в которых отсутствует непосредственное указание на субъект действия. Как отмечает М. В. Сомова [9], в современной лингвистике безличность представляется как структурно-семантическая категория с такой семантической доминантой, при которой деятель или субъект либо вовсе не мыслится, либо мыслится отвлечённо.

А. В. Петров [7] определяет категорию безличности как особый способ концептуализации действительности, что позволяет, в свою очередь, говорить о культурно-специфичности безличных предложений в различных языках. Исследование структурно-семантических особенностей безличных конструкций в разных языках в сравнительно-сопоставительном ключе представляют определённый интерес также и с позиции, что использование безличных конструкций позволяет усилить выразительность текста, обобщить и

универсализировать информацию, а также выразить отношение автора к описываемому действию. Н. И. Болотина [3] отмечает, что безличные предложения делают речь более разнообразной, способны обогатить разговорный, научный, деловой и публицистический стили.

В то же время выделение категории безличности до сих пор остаётся дискуссионным в современной теории языкознания [8]. Например, подвергается сомнению само её существование, поскольку считается, что любое безличное предложение может быть восстановлено до двусоставного. О. А. Березина отмечает также, что в систему безличных предложений не могут быть включены «пассивные конструкции с прямым объектом в роли грамматического подлежащего, т. е. предложения с семантически наполненным подлежащим» [2, с. 39]. Таким образом, основываясь на собранном опыте многих синтаксистов, лингвокогнитологов и лингвокультурологов, исследователь выделяет следующие конститутивные признаки безличного предложения:

1. на уровне синтаксиса – **отсутствие подлежащего**;
2. на уровне морфологии – **отсутствие выражения** лица формой главного члена предложения;
3. на уровне семантики – **отсутствие зависимости** действия от деятеля или состояния от его носителя.

В современных исследованиях безличных конструкций намечается, главным образом, три основных направления.

В русле этнолингвистических исследований (А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова, З. К. Тарланов) категорию безличности и её употребление в том или ином языке связывают с особенностями национального характера, менталитета и прочими экстралингвистическими факторами. О. А. Березина, в свою очередь, отмечает, что «сталкиваясь с разнообразием безличных конструкций в некоторых языках, учёные часто склонны искать причины этого явления не в истории и системе самого языка, а в экстралингвистических

факторах: специфических культурных традициях, своеобразии менталитета народа и т. п. [...] в подобных исследованиях как правило не учитывается собственно лингвистический аспект данных конструкций, обусловленный строением системы самого языка [...]» [2, с. 40]. Исследователь отмечает излишнюю «идеологизированность» подобных исследований и неспособность учитывать «когнитивный субстрат речемыслительной деятельности человека».

В русле семантического синтаксиса исследователями (А. В. Петров, П. А. Лекант, Ю. С. Степанов) предпринимается, главным образом, попытка систематизировать и классифицировать всё разнообразие безличных предложений в разных языках с учётом их структурного и семантического уровней. Исследование имперсональности с этих позиций не исключает возможности проводить сравнительно-сопоставительное изучение использования безличных конструкций в разных языках.

Учёные Воронежской лингвистической школы в рамках семантико-синтаксических когнитивных исследований предлагают проводить анализ различных синтаксических структур, опираясь на разработанную ими теорию синтаксических концептов. При этом под синтаксическим концептом понимается определённый смысл, закреплённый конкретной синтаксической конструкцией и конкретизирующий в структурном виде знание о мире и языках [10, с. 8].

Третьим направлением изучения безличных конструкций является исследование зарубежных лингвистов с опорой на диахронический подход.

Данная статья предполагает исследование категории имперсональности и случаев использования неличных предложений сразу в нескольких европейских языках, основанное на сравнении их структуры и семантического наполнения. Практическая ценность такого подхода нам видится в дальнейшей разработке и уточнении способов перевода данных конструкций.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Обзор научной литературы по исследованиям структурно-семантических особенностей безличных конструкций в русском, английском, французском и испанском языках показал, что в русском и испанском языках безличные предложения по своей синтаксической структуре – односоставные, а во французском и английском языках – двусоставные [4]. Это объясняется, в основном, тем фактом, что, например, особенности морфологии, связанные с утратой личных окончаний, в большей мере английского и в несколько меньшей – французского глагола препятствуют использованию так называемого нулевого подлежащего в предложении (кроме эллиптических и императивных конструкций).

Следовательно, очевидным является тот факт, что в сопоставляемых языках способы выражения безличности отличаются как по семантике, так и в структурном отношении.

1. Структурные особенности

В английском языке часто выделяют четыре структурных типа безличных конструкций: 1. с собственно-безличными глаголами (*it rains; it snows; it pours; it drizzles*), 2. с безличным оборотом *it + to be* с разнообразными предикативами (*It's windy*), 3. с конструкцией *it + личный глагол в безличном значении + дополнение безличного глагола*, 4. с конструкцией *it + глагол в форме страдательного залога* [1, с. 137]. Как видим, все четыре типа подразумевают использование формального подлежащего, выраженного местоимением *it*. Напомним, что на заре своего становления, будучи флективным языком, английский язык обладал возможностью выражения имперсональности без необходимости введения формального подлежащего (*Me thinks – Мне думается*), но с течением времени вся система английского языка подверглась колоссальным изменениям, приведшим к значительной утрате флексий, гораздо большей, чем в любом из сравниваемых нами языков, что привело к фиксации порядка слов и обязательному наличию подлежащего в предложении.

О. А. Березина отмечает, что местоимение *it*, участвующее в образовании безличных предложений, имеет лишь конструктивную значимость, поскольку оно теряет свою коммуникативную нагрузку, будучи неспособным обозначать «лицо, под которым подразумевался бы тот или иной предмет как производитель действия или носитель состояния» [2, с. 47–48]. Вместе с тем известно, что среди предложений с безличным *it* в качестве подлежащего, можно выделить абсолютно-безличные (*It's dark now*) и относительно-безличные (*It's a pity you should leave us*). Считается, что в предложениях первого типа выражается действие или состояние, происходящее или протекающее вне воли человека. На структурном уровне подобные предложения представляют собой простые предложения, тогда как для относительно-безличных предложений характерна усложнённая структура. «Они нередко представляют собой сложноподчинённое предложение, состоящее из двух компонентов – безличного ядра и осложняющего компонента (придаточного предложения или вербального комплекса)» [2, с. 47–48].

Кроме того, в лингвистической литературе рассматриваются также и квази-безличные предложения («безличный пассив»), которые могут быть трансформированы в неопределённо-личные предложения (*It is said that everybody needs love = They say everybody needs love*).

В английском языке возможны также и безличные предложения с десемантизированным *there* (*There's no need to come*) или неопределённым местоимением *one* (*One wants to live forever*) в функции формального подлежащего. Английский язык располагает и другими средствами выражения категории имперсональности, например, посредством использования инфинитива (*To live is to love*), герундия (*Reading books is not enough to become an educated person*) и их конструкций (*For him to tell the lie was impossible*) в функции подлежащего. Как видим, выбор глагола здесь ограничен различными

формами глагола *to be*, а субъект предложения не может быть соотнесён с каким-либо предметом во внешнем мире.

Если говорить о французском языке, то здесь наблюдается в целом схожая картина в плане выражения категории имперсональности с помощью десемантизированного местоимения третьего лица единственного числа *il* (*Il neige – идёт снег; Il fait du soleil – солнечно; Il est 2 heures – сейчас 2 часа; Il est tard – поздно*) или *ce* (*C'est bien confortable de rester tout seul chez soi – приятно остаться дома одному*) в качестве формального подлежащего. Если говорить о соответствии французских квази-безличных предложений английским, то здесь используется другое слово в качестве подлежащего – неопределённо-личное местоимение *on*, которое может заменять в разговорной речи практически любое лицо, выступающее субъектом действия, равно как и не соотноситься ни с одним конкретным лицом, а представлять субъект действия в обобщённом, абстрактном виде (*On est heureux quand tout va bien dans la vie – чувствуешь себя счастливым, когда всё в жизни хорошо*). Для французского языка характерно также такое явление, как трансформация семантически личного глагола в безличный после безличного *il* с сохранением своего семантически личного значения (*Il arrive un train – Прибывает поезд*). Возможно, это связано с широким использованием, особенно в разговорной речи, двойного подлежащего, равно как и двойного дополнения во французском языке. Полагаем, именно этот факт и обуславливает возможность использования такой трансформации.

Ну и в качестве аналога английского *there is/are* во французском языке может выступать конструкция *il y a* с десемантизированным местоимением *il* в качестве формального подлежащего. Несмотря на всю схожесть средств выражения категории имперсональности в английском и французском языках, тем не менее выделяется и некое различие. Если в английском языке в предложении с инфинитивом местоимение *it* может восприниматься как формальное подлежащее, так и реальное, то во французском языке выбор

предлога *à* или *de* в подобном предложении существенно влияет на функцию местоимения и не оставляет возможности для разночтений в этом плане:

It's important to work = Working is important – формальное подлежащее.

Il est important de travailler. – *Работать это важно.*

It's important to work = This is important for work – реальное подлежащее.

Il est important à travailler. – *Это важно для работы.*

В испанском языке, как было уже сказано выше, синтаксический строй иной, чем в английском и французском языках, в силу морфологии его глагола, позволяющей ему использоваться без подлежащего.

В связи с этим, в испанском языке встречаются следующие виды безличных конструкций:

1. «Естественно» безличные конструкции, с помощью которых мы говорим о погоде и различных природно-атмосферных явлениях:

Llueve. Nieva. – Идёт дождь. Идёт снег.

Amanece. – Светает.

2. Грамматически безличные конструкции, использующие такие глаголы, как «haber», «ser», «bastar», «hacer», употребляющиеся в этом случае только в третьем лице единственного числа:

Es muy temprano. – Очень рано.

Es lunes. – Сегодня понедельник.

Hace sol. – Солнечно.

Aquí hay mucha gente. – Здесь много людей.

Basta ya de tonterías. – Хватит уже глупостей.

3. Иные глагольные конструкции, с помощью которых можно выразить безличность в различных ситуациях:

CONVENIR + инфинитив:

Conviene ayudar a los demás. – Надо помогать другим.

FALTAR / SOBRAR + de + TODO/NADA:

Aquí no falta de nada. – Нет ничего, чего бы здесь не было.

BASTAR / SOBRAR / ESTAR BIEN con:

Me basta con esa cantidad. – Мне хватает этой суммы.

PONER / DECIR:

Aquí pone que no se puede fumar. – Здесь написано, что курение запрещено.

PASAR / OCURRIR / SUCEDER + de + TODO/ALGO:

Hoy puede pasar de todo. – Сегодня может произойти всё, что угодно.

OLER:

En esta habitación huele mal. – В этой комнате плохо пахнет.

DAR:

Me da igual. – Мне всё равно.

Испанский язык располагает ещё одним средством выражения имперсональности – местоимением *se*, которое помимо основных значений может выступать ещё в двух довольно близких значениях – неопределённо-личном и безличном:

1. TRATARSE de:

Se trata de jugadores importantes para el equipo. – Речь идёт о важных для этой команды игроках.

2. В оборотах, типа PODERSE, SABERSE, OIRSE:

Se sabe bien en qué terminan estas aventuras. – Хорошо известно, чем кончаются эти авантюры.

В русском языке категория безличности может быть выражена, согласно исследованию А. В. Петрова, с помощью следующих средств:

1. Глагольные безличные предложения, в которых в роли предиката выступают а) собственно безличные глаголы *Темнеет, Меня тошнит*, б) личные глаголы в безличном значении *Меня не задело пулей, Его всего трясёт*, в) глаголы с потенциальной безличностью *Урчит в животе*, г) лексема *нет* и безлично-генитивные глаголы *Нет денег, Его не оказалось на месте, Хватит причитать*.

2. Именные безличные предложения, в которых в роли предиката выступают а) безличные прилагательные *Внизу прохладно, Мне весело, Довольно слов* б) безличные причастия *В бане нагрето, Покончено с этим, Не дано полюбить* в) безличные существительные *Не грех поплакать* г) безличные местоимения *Некому ответить* д) безличные наречия *Невозможу больше ждать*.

3. Фразеологические безличные предложения *Ему не всё равно, Им не под силу понять*.

Как видно из проанализированных случаев употребления безличных конструкций, во всех сопоставляемых языках основным средством выражения безличности является глагол в форме третьего лица единственного числа, хотя имеются и иные способы выражения категории безличности.

2. Семантические особенности

Анализ теоретической литературы показывает, что исследователями предпринималось большое количество попыток систематизировать семантику безличных предложений в русском языке, и тем не менее, можно с уверенностью сказать, что для русского языка категория безличности является весьма продуктивной, поэтому охватить весь спектр семантики безличных предложений задача очень непростая. Например, исследователь А. В. Петров [7] провёл обстоятельное и глубокое изучение вариантов безличных предложений в русском языке. Попытку систематизировать безличные глагольные конструкции русского языка и создать базу данных таких конструкций предпринимают также А. А. Зализняк и М. Г. Кружков [5] с целью способствовать развитию грамматики конструкций русского языка.

В современном английском языке, равно как и во французском, прошедшим путь анализации вследствие утраты флексий, существовавшие ранее схожие с русскими конструкциями, основанными на личной глагольной форме, также были утрачены, как это показано в работах Е. В. Савицкой, С. А. Иванова (например, конструкции с эмотивной, интенциональной, оценочной,

имагинативной, сенсорной семантикой). Соответственно, из существующих ныне безличных английских и французских конструкций можно выделить наиболее стабильно употребляемые конструкции с «погодной» семантикой в безличных предложениях с собственно-безличным глаголом (типа *il pleut, il neige – it rains, it snows*). В современном английском также встречаются безличные предложения, выражающие временные отношения, пространственные отношения, оценочные. Хотя во французском языке, благодаря наличию большей возможности отступления от прямого порядка слов в предложении наблюдается всё же более заметное богатство лексико-стилистических форм и приёмов выражения категории безличности, чем в английском языке, поскольку в современном французском языке существует ряд глаголов, которые постепенно отходят от своего основного значения в личной конструкции и становятся омонимами глагола личного: *il convient, il sied, il importe, il vaut, il suffit, il manque, il se peut, il s'ensuit, il s'agit* etc.

В испанском языке, в отличие от английского и французского языка, наблюдается гораздо более развитая палитра глаголов «погодной» семантики, употребляемых только в форме третьего лица единственного числа всех времён (*alborar, amanecer, anochecer, atardecer, diluviar, escarchar, granizar, helar, llover, lloviznar, oscurecer, nevar, relampaguear, tronar*). А. И. Андреева выделяет также множество других специфичных для испанского языка способов семантически выразить категорию безличности. Например, глагол *amanecer* может в личной форме выражать значение «появиться или быть в рассвете, начале чего-либо» (*Buenos días, ¿cómo amaneció usted?*).

Наряду с глаголами, безличными по своей семантике, в испанском языке в конструкциях с безличным значением употребляются и личные глаголы. В этом плане испанский язык отличается богатством конструкций с безличным значением, в которых употребляются личные глаголы. В безличном значении личные глаголы употребляются в форме третьего лица, единственного числа. А. И. Андреева [1] разделяет семантически эти глаголы и устойчивые выражения с

ними, употребляющиеся в конструкциях с безличным значением, на следующие группы: 1) глаголы (устойчивые глагольные выражения) бытия; 2) глаголы (устойчивые глагольные выражения) чувства и восприятия; 3) глаголы (устойчивые глагольные выражения) присутствия и проявления; 4) глаголы (устойчивые глагольные выражения) движения; 5) глаголы, выражающие модальные отношения.

Заключение

В завершении отметим, что несмотря на многие попытки связать разность в структурно-семантических особенностях безличных конструкций в разных языках с ментальностью и другими национально-обусловленными причинами мышления различных народов, наиболее продуктивной всё же является идея о разности в структурных особенностях сопоставляемых языков, обуславливающей специфичность использования безличных конструкций в каждом из проанализированных языков.

Исследование фактического материала и критический анализ теоретических работ отечественных лингвистов позволили заключить, что явление безличности в русском, английском, испанском и французском языках имеет ряд общих семантико-грамматических характеристик:

1. Основной формой глагола для образования безличной конструкции является третье лицо.

2. Аналогичным является употребление безличных по своему лексическому значению глаголов, обозначающих явления природы.

3. Также семантически безличными являются конструкции для обозначения времени и местонахождения «имеется/имеются/есть» – «*hay*» – «*il y a*» – «*there is/are*».

4. Совпадают некоторые семантические группы личных глаголов, употребляющихся в безличных конструкциях, но важно отметить, что в русском и испанском языках подобные конструкции значительно более

вариативны, что обусловлено возможностью построения фразы в этих языках как односоставного предложения.

Список литературы:

1. Андреева А. И. Средства выражения безличности в испанском языке (сравнительно с французским языком): автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Москва, 2016. 22 с.

2. Березина О. А. К вопросу о языковой репрезентации категории безличности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4 (25). С. 39–51.

3. Болотина Н. И. К вопросу о безличных конструкциях во французском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. 2022. № 09. С. 118–120.

4. Вьюгова Т. Б. К вопросу о безличных конструкциях в русском, французском и испанском языках // Языки для специальных целей и профессиональная коммуникация в изменяющемся мире: материалы Круглого стола, состоявшегося в Орловском государственном институте искусств и культуры, Орёл, 26–27 февраля 2009 года / ответственный редактор А. Г. Пастухов. Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2009. С. 37–40.

5. Зализняк А. А., Кружков М. Г. База данных безличных глагольных конструкций русского языка // Информатика и её применение. 2016. Т. 10, № 4. С. 132–141.

6. Иванов С. А. Структурно-семантическая организация безличных предложений в английском и французском языках: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 16 с.

7. Петров А. В. Категория безличности в современном русском языке: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. Москва, 2007. 43 с.

8. Савицкая Е. В. Менталитет народа и синтаксис языка: вектор влияния (на материале английских и русских безличных конструкций) // Известия

Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (167). С. 162–168.

9. Сомова М. В. Безличные конструкции как изобразительно-выразительное средство языка и речи // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 75–78.

10. Федоров В. А. Национальная специфика синтаксических концептов: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. Воронеж, 2013. 36 с.

References:

1. Andreeva A. I. Sredstva vy`razheniya bezlichnosti v ispanskom yazy`ke (sravnitel`no s francuzskim yazy`kom): avtoref. diss. na soisk. uch. step. kand. filol. nauk. Moskva, 2016. 22 s.

2. Berezina O. A. K voprosu o yazy`kovej reprezentacii kategorii bezlichnosti // Voprosy` kognitivnoj lingvistiki. 2010. № 4 (25). S. 39–51.

3. Bolotina N. I. K voprosu o bezlichny`x konstrukciyax vo francuzskom yazy`ke // Sovremennaya nauka: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. Seriya: GUMANITARNY`E NAUKI. 2022. № 09. S. 118–120.

4. V`yugova T. B. K voprosu o bezlichny`x konstrukciyax v russkom, francuzskom i ispanskom yazy`kax // Yazy`ki dlya special`ny`x celej i professional`naya kommunikaciya v izmenyayushhemsya mire: materialy` Kruglogo stola, sostoyavshegosya v Orlovskom gosudarstvennom institute iskusstv i kul`tury`, Oryol, 26–27 fevralya 2009 goda / otvetstvenny`j redaktor A. G. Pastuxov. Oryol: Orlovskij gosudarstvenny`j institut iskusstv i kul`tury`, 2009. S. 37–40.

5. Zaliznyak A. A., Kruzhkov M. G. Baza danny`x bezlichny`x glagol`ny`x konstrukcij russkogo yazy`ka // Informatika i eyo primenenie. 2016. T. 10, № 4. S. 132–141.

6. Ivanov S. A. Strukturno-semanticheskaya organizaciya bezlichny`x predlozhenij v anglijskom i francuzskom yazy`kax: avtoref. diss. na soisk. uch. step. kand. filol. nauk. Pyatigorsk, 2004. 16 s.

7. Petrov A. V. Kategoriya bezlichnosti v sovremennom russkom yazy`ke: avtoref. diss. na soisk. uch. step. dokt. filol. nauk. Moskva, 2007. 43 s.

8. Saviczka E. V. Mentalitet naroda i sintaksis yazy`ka: vektor vliyaniya (na materiale anglijskix i russkix bezlichny`x konstrukcij) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 4 (167). S. 162–168.

9. Somova M. V. Bezlichny`e konstrukcii kak izobrazitel`no-vy`razitel`noe sredstvo yazy`ka i rechi // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 7 (336). S. 75–78.

10. Fedorov V. A. Nacional`naya specifika sintaksicheskix konceptov: avtoref. diss. na soisk. uch. step. dokt. filol. nauk. Voronezh, 2013. 36 s.

Информация об авторах:

Н. С. Федотова – кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Г. Н. Шатохина – кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the authors:

N. S. Fedotova – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

G. N. Shatokhina – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования

17.06.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was published 21.03.2025; approved after reviewing 17.06.2025;
accepted for publication 10.09.2025.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 808.5

Кристина Артемовна Кунгурцева

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
Калининград, Россия

atv310551@mail.ru

Научный руководитель: Т. В. Анисимова, доктор филологических наук,
профессор

УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УБЕЖДЕНИЯ КАК МЕТОДА АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Метод убеждения считается одним из наиболее универсальных и общеупотребительных методов, как в целом для сферы государственного управления, так и для работников правоохранительных органов, которые обязаны внедрять в сознание граждан уверенность в необходимости соблюдения всех законов и норм, действующих в обществе; воздействовать на волю и сознание человека средствами нравственного характера. Однако, чтобы этот метод оказался эффективным, необходимы конкретные разработки, объясняющие, как именно на практике, он должен применяться. Анализ результатов проведённого анкетирования продемонстрировал весьма слабое владение сотрудниками ОВД не только конкретными речевыми формами убеждающей речи, но и общим пониманием сущности и назначения указанного метода. Причиной этого явления автор считает отождествление в юридической практике метода убеждения с информированием: разъяснением гражданам норм и санкций законов. В статье

формулируются те критерии, по которым следует разграничивать информирование и убеждение. Далее для разрешения указанной проблемы предлагается при описании метода убеждения использовать междисциплинарный подход, требующий участия филолога в описании особенностей применения метода убеждения в юридических ситуациях. Филологическая составляющая такого сотрудничества складывается из трёх аспектов. Теоретический аспект находится в ведении метакоммуникации, объектом которой является анализ общих способов и форм построения диалога. Коммуникативный аспект находится в ведении риторики, которая разрабатывает особенности всех необходимых для работы юриста риторических жанров, а также описывает систему аргументации, повышающую эффективность воздействия на адресата. Подчинённый характер имеет культурологический аспект, требующий повышения общего культурного уровня сотрудников полиции, что гарантирует творческое применение метода убеждения в различных ситуациях профессионального общения.

Ключевые слова: риторика, убеждение, принуждение, методы воздействия, эффективность воздействия

Для цитирования: Кунгурцева К. А. Условия повышения эффективности убеждения как метода административного управления // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 3 (11). С. 129–145.

PSYCHOLINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 808.5

Kristina A. Kungurtseva

Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia

atv310551@mail.ru

Scientific supervisor: T. V. Anisimova, Doctor of Philology sciences, professor

CONDITIONS FOR INCREASING THE EFFECTIVENESS OF PERSUASION AS A METHOD OF ADMINISTRATIVE MANAGEMENT

Abstract. The method of persuasion is considered one of the most universal and commonly used methods both in general for the sphere of public administration and for law enforcement officials, who are obliged to instill in the minds of citizens confidence in the need to comply with all laws and norms in force in society; to influence the will and consciousness of a person by moral means. However, in order for this method to be effective, specific developments are needed explaining exactly how it should be applied in practice. An analysis of the results of the survey showed a very poor command of the ATS staff not only of specific speech forms of persuasive speech, but also of a general understanding of the essence and purpose of this method. The author considers the reason for this phenomenon to be the identification in legal practice of the method of persuasion with information: explaining to citizens the norms and sanctions of laws. The article formulates the criteria by which information and persuasion should be distinguished. Further, to solve this problem, it is proposed to use an interdisciplinary approach in describing the method of persuasion, which requires the participation of a philologist in describing the specifics of using the method of persuasion in legal situations. The philological component of such cooperation consists of three aspects. The theoretical aspect is under the jurisdiction of metacommunication, the object of which is the analysis of common ways and forms of building a dialogue. The communicative aspect is under the jurisdiction of rhetoric, which develops the specifics of all the rhetorical genres

necessary for a lawyer's work, and also describes a system of argumentation that increases the effectiveness of influencing the addressee. Subordination has a cultural aspect that requires an increase in the general cultural level of police officers, which guarantees the creative application of the method of persuasion in various situations of professional communication.

Keywords: rhetoric, persuasion, coercion, methods of influence, effectiveness of influence

For citation: Kungurtseva K. A. Conditions for increasing the effectiveness of persuasion as a method of administrative management // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 3 (11): 129–145. (In Russ.).

Введение

Одним из наиболее универсальных и общеупотребительных методов государственного управления считается метод убеждения. Он применяется во всех отраслях и сферах управления и как самостоятельный, и в совокупности с другими методами.

В административном праве убеждение характеризуется как процесс целенаправленного воздействия субъекта управления на управляемый объект, в результате которого идеи, ценности, установки субъекта становятся внутренними идеями, личными установками объекта управления [11]. Результатом применения указанного метода является добровольное соблюдение адресатом требований должностных лиц и норм права. Одним из основных достоинств административного убеждения профессор Д. Н. Бахрах считает возможность обеспечения с его помощью добровольного выполнения норм права, в конечном счёте – формирование привычки законопослушания [7, с. 424].

Наиболее важными направлениями работы в сфере управления, где особенно востребован этот метод, являются согласование деятельности органов исполнительной власти и структурных подразделений; разъяснение законов и

иных актов, как до вступления их в силу (знакомство с проектом), так и после вступления в силу; обучение персонала; работа с жалобами и обращениями граждан; агитация (привлечение людей к активной общественно-полезной деятельности) и пропаганда (популяризация идей, знаний, учений). Важно обратить внимание на то, что работники сферы управления должны не просто понимать свои задачи по координации действий всех структур управления, но и уметь грамотно пользоваться теми речевыми формами, в которые облекается их речь при использовании метода убеждения. Все перечисленные формы работы актуальны и для работников правоохранительных органов, которые обязаны повышать уровень правовой осведомлённости граждан; внедрять в их сознание уверенность в необходимости соблюдения всех законов и норм, действующих в обществе; воздействовать на волю и сознание человека средствами нравственного характера.

Как видно из этого перечня, сфера применения метода убеждения весьма широка и многообразна. В связи с этим его освоение всеми участниками процесса управления должно проводиться целенаправленно и на высоком научном уровне. Чтобы эта цель была достигнута, недостаточно общего описания назначения метода убеждения. Необходимы конкретные разработки, объясняющие как именно на практике он должен применяться. Это свидетельствует о высокой степени актуальности исследования тех конкретных умений и навыков, которые следует формировать у юристов для полноценного использования рассматриваемого метода в процессе административного управления в различных государственных органах власти.

Целью нашего исследования является определение тех условий, которые должны быть соблюдены для того, чтобы применение метода убеждения привело к запланированному оратором результату.

Соответственно, в задачи исследования входило:

- 1) Определение имеющегося у работников правоохранительных органов исходного уровня правовых и коммуникативных знаний о сути и назначении

метода убеждения; о степени эффективности использования убеждения в правоприменительной административной деятельности сотрудников полиции; о конкретных речевых формах, используемых субъектом в процессе применения метода убеждения.

2) Описание содержания и назначения метода убеждения.

3) Доказательство необходимости междисциплинарного подхода к изучению специфики метода убеждения, гарантирующего полноценное понимание всех особенностей его функционирования.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Чтобы определить исходный уровень владения сотрудниками полиции методом убеждения, мы подготовили анкету из 25 вопросов. В рамках проведённого исследования в опросе приняли участие представители 13 учебных групп, обучающихся в Калининградском филиале Санкт-Петербургского университета МВД России по специализированной программе повышения квалификации, предназначенной для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Общее количество респондентов составило 352 человека. При подсчёте результатов все опрашиваемые были разделены на две группы: в первую отнесены лица, обучающиеся по основной программе профессионального обучения (рядовые), – 207 человек; ко второй – лица младшего (67 человека) и среднего (82 человека) начальствующего состава.

Результаты проведённого исследования демонстрируют, что респонденты в целом адекватно интерпретируют сущность метода убеждения в контексте административной деятельности полиции. Однако, когда речь заходит о конкретных формах реализации метода убеждения, результаты оказываются неутешительными.

Так, на вопрос, какие они знают конкретные речевые формы, используемые для реализации метода убеждения, 68 % опрашиваемых из первой группы и 82 % участников опроса из второй группы поставили прочерк,

показав полное отсутствие понимания ситуации, в которой проходит убеждение. 20 % и, соответственно, 7 % опрошиваемых назвали некоторое количество форм, среди которых были как правильные (пропаганда, критика, дисциплинарная беседа, профилактическая беседа, агитационная речь), так и неуместные формы (педагогика, психология, использование сети Интернет, инструктаж, сводка) Наконец, 12 % и, соответственно, 11 % указали только такие формы, которые, действительно, пригодны для использования в ситуации убеждения.

Далее на вопрос: «Если бы вам поручили убедить слушателей своей нынешней учебной группы сделать что-то, что они сейчас не хотят делать, справились бы вы с заданием?» 71 % опрошиваемых из первой группы и, соответственно, 58 % из второй ответили «нет», 22 % из первой и 35 % из второй – «не уверен», и лишь по 7 % из каждой группы – «да». Причём, на следующий уточняющий вопрос: «Приходилось ли вам когда-либо в своей практике убеждать людей сделать нечто», абсолютно все ответившие положительно на предыдущий вопрос, ответили «нет». Таким образом, оказывается, что их уверенность в том, что они могут справиться с таким заданием, не основана ни на каком конкретном опыте.

В целом, анализ результатов анкетирования демонстрирует весьма слабое владение сотрудниками ОВД (не только рядовыми, но и начальствующим составом) не только конкретными речевыми формами убеждающей речи, но и общим пониманием сущности и назначения указанного метода. Такое положение дел во многом обусловлено тем, что в программе обучения юристов гораздо больше внимания уделяется анализу метода принуждения, чем убеждения, а освоение тех речевых форм, которые требуются для грамотного использования метода убеждения не предусмотрено совсем.

Изучение литературы по этому вопросу показывает, что в юридической практике метод убеждения, как правило, приравнивается к просветительской работе с гражданами. Так, К. Ю. Сливко обращает внимание на необходимость

усиления борьбы с наркотиками, для чего предлагает использовать «комплекс мер социальной защиты, судебно-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера» [13, с. 269]. Основная проблема при этом формулируется так: «лицам, желающим употребить запрещённые вещества, зачастую неизвестно, что... наркотики способны вызывать у них паническое, стрессовое и опасное состояние, влекущее наступление разного рода отрицательных последствий» [13, с. 269]. Для борьбы с этой проблемой предлагается обязать участковых уполномоченных полиции проводить профилактические беседы с потенциальными наркоманами. Участковый «наиболее эффективно применяет в своей служебной деятельности метод убеждения» [5, с. 269], т. е. рассказывает в своих беседах о вреде наркотиков, поскольку «наше общество должно быть осведомлено о том, что наркотики способны причинить серьёзный вред здоровью человека» [13, с. 270]. Однако многочисленные примеры из практики показывают, что ни наркоманы, ни алкоголики, ни курильщики не отказываются от своих пагубных пристрастий в результате простого информирования о вреде их увлечений.

Таким образом, причиной крайней неэффективности применения метода убеждения на практике часто бывает элементарное непонимание сотрудниками полиции, использующими этот метод, разницы между информационной и убеждающей речью. В частности, при описании методики проведения *профилактических бесед* даже в научных работах в соседних абзацах можно встретить взаимоисключающие определения указанного вида деятельности. С одной стороны, «суть профилактической беседы состоит в устном разъяснении профилактируемому правовой и моральной ответственности перед обществом, государством и иными субъектами за социальные и юридические последствия продолжения антиобщественного поведения» [9, с. 156], а с другой стороны, «целью проведения профилактических бесед должно быть формирование у профилактируемого желания сознательно <...> отказаться от антисоциальных установок, а также убеждённости в необходимости прикладывать возможные

усилия для избавления от пагубных привычек и аморальных потребностей» [9, с. 156–157]. Однако указанные цели не могут относиться к одной и той же речи, поскольку *разъяснение* направлено на простую передачу сведений от одного субъекта к другому, ориентируется на тезис речи, а *формирование убеждения* направлено на изменение отношения адресата к рассматриваемому в речи объекту, ориентируется на ценности адресата. Неразличение этих ситуаций приводит к риторической неудаче. Анализируя предлагаемую в юридических статьях методику проведения *профилактических бесед*, Т. В. Анисимова указывает: «чтобы добиться эффекта, оратор должен проанализировать индивидуальные особенности профилактируемого лица и подобрать соответствующую его ценностям и взглядам аргументацию. Предусмотреть «ораторские предосторожности», поскольку прямолинейные назидания не приводят к желаемому результату» [5, с. 281]. Далее в работе приводится оптимальная композиция *профилактической беседы* и перечисляются типы аргументов, эффективных в каждой части.

Чтобы добиться взаимопонимания между юристами и филологами по этому вопросу, необходимо установить прочные междисциплинарные связи между административным правом и коммуникативной лингвистикой. В основе этих связей должен лежать такой принцип: когда в юридических науках речь заходит о тех или иных профессионально значимых коммуникативных ситуациях, к их изучению и описанию обязательно следует привлекать квалифицированного филолога, способного грамотно оценить риторическую составляющую рассматриваемой коммуникативной ситуации и разработать необходимые аспекты её изучения. В рамках риторики описываются все важные для работы специалиста жанры, а также система аргументации, повышающая эффективность воздействия на адресата [2–3].

Именно риторический подход позволяет юристу понять, что именно и как следует сказать, чтобы повысить эффективность своей коммуникации. Убеждение другого обязательно содержит эмоционально-нравственный

компонент и должно быть признано равноценной доказательству формой воздействия. Только с помощью использования эмоциональных аргументов можно посеять сомнения в правильности имеющейся у адресата позиции или хотя бы подготовить почву для такого сомнения. Языковые возможности (многозначность, метафоричность) позволяют гибко внедрить в чужое сознание новый взгляд: с помощью помещения идеи в соответствующий контекст адресант интерпретирует сложившееся у адресата мнение в выгодном для себя направлении [15, с. 18]. Важно при этом, чтобы все приведённые в речи аргументы опирались на ценности адресата.

Этот подход давно и успешно применяется не только в политической и рекламной речи, но и в рамках судебных прений. В то же время административное убеждение далеко не всегда использует эмоциональные и ценностные элементы аргументации. Вместе с тем, в этой области, кроме разнообразных универсальных (*неприкосновенность жизни человека, истина и справедливость, экономическое благосостояние, свобода и равенство, показатели личного успеха, достоинство и защищённость граждан*) и общеправовых (*прозрачность принимаемых решений, доступность правосудия, равенство всех перед законом, защита прав граждан*) ценностей [12], могут быть использованы и ценности, характерные для административного права. Так, В. А. Юсупов считает наиболее важными три вида административных ценностей: 1) разрешение возникших противоречий в обществе, государстве, работе органов государственного управления или между участниками конкретных административных правоотношений; 2) устранение препятствий для осуществления субъективных административных прав; 3) создание новых возможностей саморазвития субъекта административных правоотношений [14, с. 39–40]. Эти ценности лежат в основе гарантий соблюдения прав человека и гражданина, что получает законодательное закрепление и становится той ценностью, на которую могут в дальнейшем опираться ораторы. Так, в интервью члена совета директоров Всемирной

ассоциации экомаркировки (GEN), руководителя центрального органа системы экологической сертификации «Листок жизни» Юлии Грачевой в основе всей аргументации лежат ценности, закреплённые в законе № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который установил правовые основы регулирования отношений в области производства органической продукции:

В России компании, решившие объявить свой продукт «зелёным», а настоящую сертификацию не проходить, действуют несколькими способами. Самый примитивный – поддельная маркировка несуществующей организации. Второй способ – взять известную маркировку и поставить её без подтверждения сертификации. С этим ещё можно бороться. Мы отслеживаем такие истории с «Листком жизни» и требуем от производителей убрать эту маркировку. Есть ещё третий приём. Сейчас в России появилось много псевдосертификаций: например, «Росэкопродукт», «Международный экологический фонд» и другие. Почему я называю их псевдо? Потому что сам орган по сертификации (проверяющая организация) не имеет государственной аккредитации, хотя это требуется по закону. Существуют также организации, которые просто за деньги выдают сертификаты без какой-либо проверки товаров [8].

Здесь ценностью является право граждан на безопасный экологически чистый продукт, а гарантией соблюдения этого права – проведение независимой экспертизы.

Однако часто для того, чтобы добиться запланированного результата, одних юридических ценностей недостаточно, и оратор должен обращаться к групповым и даже личным ценностям адресата. Так, основная ошибка при организации *профилактических бесед* состоит в том, что оратор просто воспроизводит соответствующие статьи закона. Как показывает практика, более действенным оказывается вариант, когда говорящий сначала задумывается, ради чего слушающие его люди могли бы захотеть сделать то, к чему он их

призывает. Например, большая часть девушек мечтает выйти замуж и завести детей. Поэтому лекция об опасности женского алкоголизма, учитывающая эту ценность, окажется более эффективной, чем лекция сугубо информационная:

Клинические наблюдения и эксперименты свидетельствуют о том, что мертворождаемость, ранняя детская смертность, задержка физического развития, эпилепсия у детей – следствие алкогольной интоксикации женщин во время беременности. Злоупотребление алкоголем ведёт к токсикозу, выкидышам, преждевременным родам, замедленным темпам психофизического развития ребёнка даже при отсутствии пороков развития нервной системы. В старые времена, хоть и не существовало мудреной терминологии: «планируемая беременность», «врожденный алкогольный синдром», «олигофрения в стадии дебильности», народы всех стран обратили внимание, что дети, появляющиеся на свет после религиозных, государственных, народных и семейных праздников, сопровождающихся винопитием, часто рождаются неполноценными. Не случайно в Древнем Риме запрещали пить вино до 30 лет, в Спарте – до свадьбы, а в Норвегии, Дании, Голландии запрещалось употребление спиртных напитков до тех пор, пока не рождались дети. Наиболее чувствителен к алкоголю зародыш в первые дни и недели внутриутробного развития, то есть тогда, когда женщина может ещё и не подозревать о беременности. В этот период начинается интенсивное деление клеток в зародыше, и образуются зачатки будущих органов и систем человека. Все питательные вещества зародыш получает из крови матери. Если в ней есть алкоголь, то он обязательно попадает к плоду...[1].

Хотя эта лекция имеет форму информационного высказывания, однако факты подбираются так, чтобы вызвать у слушательниц чувство страха (родить неполноценного ребёнка). Для воздействия используются аргументы к науке (клинические наблюдения и эксперименты), к историческому опыту людей разных стран (Рима, Спарты, Скандинавии), подробно объясняется механизм

отравления ребёнка алкоголем. Всё это существенно повышает эффективность послания.

Заключение

Таким образом, чтобы освоить метод убеждения, сотруднику полиции совершенно недостаточно одного ознакомления с административным законодательством. Умения и навыки, необходимые для полноценного убеждающего воздействия на адресата, вырабатываются в процессе изучения риторики, где студенты получают возможность освоить теорию аргументации и познакомиться с жанрами профессионального общения, что позволяет им использовать полученные знания для выполнения своих профессиональных обязанностей. В рамках риторики формируется профессионально ориентированная коммуникативная компетенция юриста, позволяющая ему свободно пользоваться речью в любой ситуации профессионального общения [4; 6; 10]. Вместе с тем, в рамках самой риторики, убеждение, как метод административного управления, не рассматривается ни в теоретическом, ни в практическом аспекте, что создаёт затруднения для практического применения этого метода.

Список литературы:

1. Алкоголь и потомство: беседа по профилактике алкоголизма. URL: <https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2017/12/02/besedy-po-profilaktike-pravonarusheniy> (дата обращения: 20.11.2024).
2. Анисимова Т. В. Исследование системы ценностей подсудимого как способ объяснения мотивов преступления // Общество и человек. 2011. № 1 (2). С. 12–14.
3. Анисимова Т. В. Назначение ценностного аргумента в системе судебной аргументации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. № 10. С. 78–83.

4. Анисимова Т. В. Содержание риторической компетенции выпускника юридического вуза // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 127–131.

5. Анисимова Т. В. Юридическая риторика: учебное пособие. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. 336 с.

6. Анисимова Т. В., Пригарина Н. К. Коммуникативная компетенция: состав и принципы описания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3. С. 121–129.

7. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. Москва: «Норма», 2005. 799 с.

8. Гринвошинг в России: какие есть примеры и как с ним борются. URL: <https://ecounion.ru/press/grinvoshing-v-rossii-kakie-est-primery-i-kak-s-nim-boryutsya/> (дата обращения: 20.11.2024).

9. Кириллов С. И., Уткин В. А., Шмарион П. В. Содержание и методика проведения профилактических бесед с лицами, состоящими на учёте в органах внутренних дел // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 153–160.

10. Ковшикова Е. В., Шиндряева И. В. Коммуникативные компоненты методики преподавания русского языка в образовательных организациях МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 176–182.

11. Макарейко Н. В. Административное право: учебное пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2025. 308 с.

12. Сердобинцев К. С. О важности философии // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С. 131–135.

13. Сливко К. Ю., Сливко Н. К., Бондаренко Д. М. К вопросу об эффективности метода убеждения, как средства реализации отдельных

направлений государственной политики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 266–270.

14. Юсупов В. А. Социальная и управленческая ценность административного права // Журнал административного судопроизводства. 2022. № 2 С. 38–48.

15. Badaloni N. Politics, persuasione, decisione // Languaggio, persusione, verita. Padova. 1984. 320 p.

References:

1. Alkogol` i potomstvo: beseda po profilaktike alkogolizma. URL: <https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2017/12/02/besedy-po-profilaktike-pravonarusheniy> (data obrashheniya: 20.11.2024).

2. Anisimova T. V. Issledovanie sistemy` cennostej podsudimogo kak sposob ob`yasneniya motivov prestupleniya // Obshhestvo i chelovek. 2011. № 1 (2). S. 12–14.

3. Anisimova T. V. Naznachenie cennostnogo argumenta v sisteme sudebnoj argumentacii // Aktual`ny`e problemy` filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2008. № 10. S. 78–83.

4. Anisimova T. V. Soderzhanie ritoricheskoy kompetencii vy`pusknika yuridicheskogo vuza // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 1 (71). S. 127–131.

5. Anisimova T. V. Yuridicheskaya ritorika: uchebnoe posobie. Kaliningrad: Kaliningradskij filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2024. 336 s.

6. Anisimova T. V., Prigarina N. K. Kommunikativnaya kompetenciya: sostav i principy` opisaniya // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 3. S. 121–129.

7. Baxrax D. N., Rossinskij B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. Moskva: «Norma», 2005. 799 s.

8. Grinvoshing v Rossii: kakie est` primery` i kak s nim boryutsya. URL: <https://ecounion.ru/press/grinvoshing-v-rossii-kakie-est-primery-i-kak-s-nim-boryutsya/> (data obrashheniya: 20.11.2024).

9. Kirillov S. I., Utkin V. A., Shmarion P. V. Soderzhanie i metodika provedeniya profilakticheskix besed s liczami, sostoyashhimi na uchyote v organax vnutrennix del // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 3. S. 153–160.

10. Kovshikova E. V., Shindryaeva I. V. Kommunikativny`e komponenty` metodiki prepodavaniya russkogo yazy`ka v obrazovatel`ny`x organizatsiyax MVD Rossii // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 4 (78). S. 176–182.

11. Makarejko N. V. Administrativnoe pravo: uchebnoe posobie dlya vuzov. Moskva: Yurajt, 2025. 308 s.

12. Serdobincev K. S. O vazhnosti filosofii // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2 (72). S. 131–135.

13. Slivko K. Yu., Slivko N. K., Bondarenko D. M. K voprosu ob e`ffektivnosti metoda ubezhdeniya, kak sredstva realizacii ot del`ny`x napravlenij gosudarstvennoj politiki // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 9 (237). S. 266–270.

14. Yusupov V. A. Social`naya i upravlencheskaya cennost` administrativnogo prava // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. 2022. № 2 S. 38–48.

15. Badaloni N. Politics, persuasione, decisione // Languaggio, persusione, verita. Padova. 1984. 320 r.

Информация об авторе:

К. А. Кунгурцева – курсант, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Information about the author:

K. A. Kungurtseva – the cadet, Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was published 27.12.2024; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication 10.09.2025.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

К рассмотрению принимаются статьи учёных, аспирантов, докторантов, соискателей, отражающие новые научные взгляды, значимые результаты и достижения в области гуманитарных наук и междисциплинарных предметных областей по следующим основным направлениям:

- вопросы теоретической и прикладной лингвистики (разделы «Общие вопросы языкознания», «Сравнительно-сопоставительные исследования»);
- проблемы преподавания иностранных языков в вузе и школе (раздел «Лингводидактика»),

а также рецензии (4–5 стр.) и сообщения из научной жизни (хроника совещаний, симпозиумов, конференций, семинаров и др. – до 6 стр.).

Предпочтительный способ предоставления статьи – онлайн через сайт Журнала (<http://philology-asu.ru>), где заполняется форма сведений об авторах и прикрепляются все необходимые файлы, полностью соответствующие требованиям к формату и именам файлов. Также заявку можно отправить по электронной почте ephilolvestnik@asu-edu.ru. Вне зависимости от способа подачи к заявке должен быть прикреплен файл со сведениями об авторах на русском и английском языках.

Все предоставляемые материалы подлежат обязательной проверке на наличие некорректных заимствований и рецензированию. В качестве рецензентов могут выступать как члены редакционного совета, так и внешние эксперты из числа признанных специалистов по тематике рецензируемых материалов и имеющих в течение последних 3 лет публикации по заявленной тематике. При оценке статьи рецензентом учитывается актуальность для отрасли науки, научный уровень рукописи, научная новизна, теоретическая и/или практическая значимость. При рекомендации рецензента о доработке статьи автором вносятся необходимые правки, после чего редакционным советом принимается окончательное решение о публикации.

Адрес электронной почты, предоставленный автором, будет размещён в журнале и станет общедоступным. Номер телефона может быть использован только для связи представителей редакции с автором статьи.

Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

Оплата публикации материалов

Стоимость публикации материалов исчисляется из расчёта 150 руб. за полную/неполную страницу текста с учетом НДС.

Оплата осуществляется **только после** положительного заключения рецензента и внесения в текст статьи всех рекомендованных правок.

Гонорары авторам не выплачиваются.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарем журнала
Татьяной Владимировной Дымовой
по тел.: 8 (8512) 24-66-80 (вн. 367); 89270766442 (WhatsApp) и
e-mail: ephilovestnik@asu-edu.ru**

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

Все стороны, принимающие участие в издании Журнала – автор, редактор, рецензент и издатель – должны неукоснительно соблюдать нормы этического поведения. Журнал руководствуется этическими правилами и принципами, изложенными в:

- рекомендациях Комитета по этике публикаций – Committee on Publication Ethics (COPE) и Кодексе этики научных публикаций;
- положениях, принятых на II Всемирной конференции по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований (Сингапур, 22–24 июля 2010 г.);
- рекомендациях Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);
- части IV Гражданского кодекса Российской Федерации.

Журнал не приемлет плагиат и любые проявления недобросовестного проведения исследований.

Редакция журнала призывает авторов придерживаться следующих этических принципов при подготовке и подаче материалов для публикации:

- предоставление оригинальных, достоверных, обоснованных и верифицируемых результатов собственных научных исследований;
- оформление заимствованных фрагментов ранее опубликованных научных работ (включая собственные работы автора (-ов)) с обязательным указанием автора и первоисточника;
- цитирование публикаций, оказавших существенное влияние на формирование авторского взгляда на решаемую проблему;
- минимизация цитирования публикаций, не имеющих прямого отношения к содержанию представляемой статьи;

- недопустимость указания в качестве соавторов лиц, не принимавших участия в получении научных результатов, о которых идёт речь в представляемых материалах;
- обеспечение отсутствия конфликта интересов, могущего оказать влияние на объективность и/или достоверность излагаемых в статье научных результатов.

Редакция «Евразийский филологический вестник» оставляет за собой право ретракции уже опубликованных статей в том случае, если будет установлено, что в результате публикации были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ (СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ)

2025

ВЫПУСК 3 (11)

Журнал является сетевым изданием, зарегистрированным как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации: серия Эл № ФС 77-85176 от 25 апреля 2023 г.). **ISSN 2949-4419**

Учредитель:

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:

Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а

Главный редактор Г. В. Файзиева

Редактирование, компьютерная правка

Т. В. Дымова

Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а
Тел. (8512) 24-66-80 (вн. 367); 89608656847 (WhatsApp) и
e-mail: ephilolvestnik@asu-edu.ru
